

ISSN 1026-5627

Русский
орнитологический
журнал

2019
XXVIII

ЭКСПРЕСС-ВЫПУСК
1813
EXPRESS-ISSUE

2019 № 1813

СОДЕРЖАНИЕ

- 3935-3943 Сергей Михайлович Чугунов (1854-1919) – доктор медицины, патологоанатом, антрополог, энтомолог и автор статьи о птицах и зверях Сургутского края.
Н.Н.БЕРЕЗОВИКОВ
- 3944-3957 Чёрный коршун *Milvus migrans* в Алтайском крае и Республике Алтай. В.М.ВАЖОВ,
Р.Ф.БАХТИН, А.А.ЧЕРЕМИСИН
- 3958-3965 Экологические аспекты динамики распространения среднего пёстрого дятла *Dendrocopos medius* в Нижнем Поволжье. Е.В.ЗАВЬЯЛОВ, Г.В.ШЛЯХТИН,
В.Г.ТАБАЧИШИН, Н.Н.ЯКУШЕВ,
Е.Ю.МОСОЛОВА
- 3966-3973 Большой баклан *Phalacrocorax carbo* – новый гнездящийся вид Минусинской котловины. Т.А.ГЕЛЬД,
Т.В.ЗЛОТНИКОВА, Е.В.ПИНЯСОВА
- 3973-3974 Лазоревка *Parus caeruleus* насиживает пустое гнездо.
Т.КИТТЛ
- 3974-3976 Кречет *Falco rusticolus* на Камчатке: новые материалы по состоянию популяции. Е.Г.ЛОБКОВ,
Ю.Н.ГЕРАСИМОВ, А.В.ГОРОВЕНКО
- 3976 Вяхирь *Columba palumbus* насиживает кладку в январе в Лондоне. Х.ЛАЙНС
- 3977 Растительная пища пухляка *Parus montanus*.
С.В.М.ХЬЮЗ, Ф.В.ДОФАРТИ
-

Редактор и издатель А.В.Бардин
Кафедра зоологии позвоночных
Биолого-почвенный факультет
Санкт-Петербургский университет
Россия 199034 Санкт-Петербург

2019 № 1813

CONTENTS

- 3935-3943 Sergei Mikhailovich Chugunov (1854-1919) – doctor of medicine, pathologist, anthropologist, entomologist and author of an article about birds and animals of the Surgut Territory. N . N . B E R E Z O V I K O V
- 3944-3957 The black kite *Milvus migrans* in the Altai Krai and the Altai Republic. V . M . V A Z H O V , R . F . B A K H T I N , A . A . C H E R E M I S I N
- 3958-3965 Ecological aspects of the distribution dynamics of the middle spotted woodpecker *Dendrocopos medius* in the Lower Volga region. E . V . Z A V I A L O V , G . V . S H L Y A K H T I N , V . G . T A B A C H I S H I N , N . N . Y A K U S H E V , E . Y u . M O S O L O V A
- 3966-3973 The great cormorant *Phalacrocorax carbo* – a new nesting bird of the Minusinsk depression. T . A . G E L D , T . V . Z L O T N I K O V A , E . V . P I N Y A S O V A
- 3973-3974 Blue tit *Parus caeruleus* sitting on empty nest. T . K I T T L E
- 3974-3976 The gyrfalcon *Falco rusticolus* on Kamchatka: new data on a state of its population. E . G . L O B K O V , Y u . N . G E R A S I M O V , A . V . G O R O V E N K O
- 3976 Woodpigeon *Columba palumbus* incubating in January in London. H . L Y N E S
- 3977 Vegetable food of the willow tit *Parus montanus*. S . W . M . H U G H E S , F . W . D O U G H A R T Y
-

A.V.Bardin, Editor and Publisher
Department of Vertebrate Zoology
St. Petersburg University
St. Petersburg 199034 Russia

**Сергей Михайлович Чугунов (1854-1919) –
доктор медицины, патологоанатом, антрополог,
энтомолог и автор статьи о птицах и зверях
Сургутского края**

Н.Н.Березовиков

*Николай Николаевич Березовиков. Институт зоологии, Министерство образования и науки.
Проспект Аль-Фараби, 93, Алматы, 050060, Казахстан. E-mail: berezovikov_n@mail.ru*

Поступила в редакцию 8 августа 2019

В библиографии по истории орнитологических исследований Западной Сибири особое внимание привлекает статья С.М.Чугунова «Млекопитающие и птицы Сургутского уезда, собранные летом 1913 года», опубликованная в 1915 году в «Ежегоднике Тобольского губернского музея». Привлекательна она не только названием местности, но и фамилией автора, отсутствующей в перечне российских орнитологов, живших и работавших в первой четверти XX века.

Сергей Михайлович Чугунов (1854-1919). Томск, 1915 год.

Оказывается, автор не был орнитологом, но в сибирских учёных кругах его в своё время хорошо знали как антрополога, доктора медицины, патологоанатома, приват-доцента кафедры анатомии Томского университета. На момент написания упомянутой статьи он значился внештатным ассистентом кафедры зоологии университета, в которой специализировался по энтомологии. К этому можно добавить, что С.М.Чугунов был действительным членом Русского энтомологического общества, обществ естествоиспытателей и врачей при Казанском и Томском университетах.

Сергей Михайлович Чугунов родился 10 (22) октября 1854 года в интеллигентной семье в городе Симбирске на Волге, в те времена административном центре Симбирской губернии. Его отец Михаил Иванович Чугунов (1825-1880) после окончания Казанского университета около трёх десятилетий преподавал в Симбирской гимназии, Елизаветинском училище и как педагог пользовался в городе большим уважением. После окончания в 1875 году Симбирской классической гимназии Сергей Чугунов поступил на медицинский факультет Казанского университета, где под руководством приват-доцента Николая Михайловича Малиева занялся популярными в то время антропологическими исследованиями. Во время летних каникул в студенческие годы по заданиям Общества естествоиспытателей при Казанском университете он совершил две поездки по Симбирской губернии, произвёл раскопки древних захоронений, доставив в антропологический музей университета большую коллекцию черепов, а в Геологический кабинет – сборы окаменелостей. В годы учёбы он опубликовал несколько научных статей и зарекомендовал себя как подающий большие надежды молодой учёный, отличавшийся необыкновенной увлечённостью наукой, ответственностью и трудолюбием в выполнении дела, за которое он брался. Уже на старших курсах он совмещал учёбу с работой помощником прозектора при кафедре анатомии, а затем на кафедре зоологии и сравнительной анатомии. В 1880 году он окончил университет со степенью лекаря и званием уездного врача. С декабря 1880 по март 1888 года работал земским врачом в больницах Шадринского уезда Пермской губернии и Сенгелеевского уезда Симбирской губернии, а затем сверхштатным ординатором в Симбирской губернской земской больнице, не оставляя надежды продолжить занятия наукой (Багашев 2006).

Большим событием в его жизни стало открытие Императорского Томского университета, в который 1 сентября 1888 года он был принят на работу помощником прозектора кафедры анатомии медицинского факультета. С этого времени он продолжил начатые в студенческие годы антропологические исследования. Успешной и плодотворной была его экспедиция в 1890 году в Сургутский край, где он провёл краниологическое изучение остяков (хантов), живущих берегам Оби, Югана,

Тромюгана и Ваха, а также осуществил раскопки древнего городища и остояцкого кладбища в окрестностях Сургута. Привезённые антропологические коллекции были переданы им в Музей нормальной анатомии, археологические и этнографические сборы – в Археологический музей Томского университета. В 1891-1897 годах С.М.Чугунов занимался раскопками и изучением курганов у села Вороново на Оби и могильника «Тоянов городок» в окрестностях Томска, а летом 1895 и 1896 годов выезжал в Барабинскую степь на раскопки курганов Усть-Тартасского могильника в Канском округе Томской губернии, которым посвятил серию своих научных публикаций. Результаты его антропологических исследований были высоко оценены учёными (Дрёмов 1980).

Главный корпус Императорского Томского университета, в котором многие годы размещался медицинский факультет, где работал С.М.Чугунов (слева). Часть анатомического музея Императорского Томского университета (справа).

Главный корпус Томского университета.

С 1893 по 1896 год С.М.Чугунов работал прозектором на кафедре топографической анатомии, занимаясь проведением практических за-

нятий со студентами по анатомии человека и приготовлением препаратов. Многие из них в эти годы пополнили Музей нормальной анатомии Томского университета, в создание которого он вложил много сил. В этот период Сергей Михайлович зарекомендовал себя как патолого-анатом и опубликовал ряд интересных работ по патологической анатомии человека. В 1897 и 1898 годах он выдержал экзамены на учёную степень доктора медицины, а в 1899 году на Учёном совете Томского университета защитил диссертацию «К вопросу об антропологическом типе киргизов». С 11 июня 1903 по 1 мая 1906 года занимал должность приват-доцента на кафедре нормальной анатомии.

Дальнейшая его карьера после 18 лет работы в Томском университете неожиданно прерывается в результате сложной процедуры выборов профессора этой кафедры, на которые он выдвинул свою кандидатуру. Проиграв конкурс на должность профессора, Сергей Михайлович в 1906 году оставляет университет и на следующий год устраивается врачом на железнодорожной станции Татарская, где заведовал лечебным участком (Багашёв 2006). В 1908 году он возвращается в Томск и с 1 сентября устроился сверхштатным ассистентом при кафедре зоологии Томского университета, целиком переключившись на занятия энтомологией. В этом большую роль сыграло давнее увлечение Сергея Михайловича дневными бабочками, коллекционированием которых он занимался с середины 1890-х годов. Поначалу оно носило характер семейного хобби, в котором участвовали также жена Юлия Николаевна и сын Михаил. Затем познавательный интерес перерос в научный и, кроме бабочек, он стал собирать и изучать другие группы насекомых. Летом 1899 года С.М.Чугунов вместе с сыном, тогда воспитанником Томской гимназии, принимал участие в зоологической экспедиции Томского университета в Барабинскую степь, где производил энтомологические сборы. В 1905 году Сергей Михайлович передал свою энтомологическую коллекцию в дар Зоологическому музею Томского университета. Все последующие годы он неустанно продолжал пополнение музейного фонда коллекционными сборами насекомых и позвоночных животных. К тому же, после устройства на кафедру зоологии у него появились возможности для научных командировок и экспедиций. Он посетил с научно-исследовательскими целями целый ряд мест Западной и Средней Сибири: село Чемал в Горном Алтае (1909 год), Канск (1910), Минусинский округ Енисейской губернии и Балаганский округ Иркутской губернии (1912), Сургутский округ Тобольской губернии (1913), реки Кондому и Тельбес (1914), Обдорск в низовьях Оби (1915). Из этих экспедиций он всегда привозил богатые зоологические сборы. Так, с 16 (29) июня по 16 (29) июля 1909 во время пребывания в среднем течении Катуня у села Чемал в Горном Алтае он собрал большую коллекцию дневных бабочек и других насекомых. В опубликованном

отчёте он сообщает также о 9 экземплярах добытых птиц и о двух видах млекопитающих: сибирской косуле *Capreolus pygargus* и длиннохвостом суслике *Spermophilus undulatus*. Из земноводных в пойме реки Катунь были добыты головастики, не определённые до вида. Из рыб указаны только три вида (Чугунов 1910). Все свои сборы животных он передал в Зоологический музей Томского университета.

В 1913 году по заданию Совета Томского университета Сергей Михайлович Чугунов занялся изучением фауны млекопитающих и птиц в окрестностях Сургута на Оби. В обосновании о необходимости взяться за проведение этих исследований говорилось, что из 62 видов животных, приводимых И.Я.Словцовым (1892) в статье «Позвоночные Тюменского округа и их распространение в Тобольской губернии» для Сургутского края, достоверными являются только сведения о зайце-беляке *Lepus timidus*, два экземпляра которого были доставлены из Сургута. Все остальные данные были опросные и основывались на показаниях священника Стефана Тверетина. Поэтому Чугунов взялся составить новый список, подтвердив видовую принадлежность животных коллекционными экземплярами.

В полевых работах ему помогали студент Петроградского политехнического института В.А.Зайцев и сургутский житель А.Я.Кушников, производивший препаровку добытых птиц и зверей. Основные сборы велись в радиусе 10-15 км от Сургута, а также на речке Варлевой у села Юганское и в тайге у Барсовой горы в 12 км от Сургута. Многие экземпляры собраны на речках Сайме и Сухая у города, на протоках Оби – Лукиной и Бардаковке, а также на островах Раздоры, Средний, Тюменцева, Чёрная коса, Сосновая грива, Орловы борки. Судя по датам на этикетках, коллекционные сборы велись между 23 июня и 10 июля. Некоторые шкурки птиц были приобретены у торговцев на городском базаре. Осенью были дополнительно получены черепа зверей, шкурки и мумии птиц от сургутского исправника Г.А.Пирожникова и жителя Сургута Т.И.Миронова. Видовую принадлежность птиц определяли в кабине зоологии Томского университета под руководством Германа Эдуардовича Иоганзена, млекопитающих – Михаила Дмитриевича Рузского. При этом у всех зверей были тщательно промерены черепа.

Список птиц, подтверждённый коллекционными экземплярами, составил 42 вида: чернозобая гагара *Gavia arctica*, красношейная поганка *Podiceps auritus*, гуменник *Anser fabalis*, лебедь-кликун *Cygnus cygnus*, кряква *Anas platyrhynchos*, серая утка *Anas strepera*, свиязь *Anas penelope*, чирок-трескунок *Anas querquedula*, широконоска *Anas clypeata*, перепелятник *Accipiter nisus*, орлан-белохвост *Haliaeetus albicilla*, глухарь *Tetrao urogallus*, малый зуёк *Charadrius dubius*, большой улит *Tringa nebularia*, мородунка *Xenus cinereus*, круглоносый плавунчик *Phalaropus lobatus*, турухтан *Philomachus pugnax*, кулик-воробей *Ca-*

lidris minuta, клуша *Larus fuscus*, кукушка *Cuculus canorus*, бородатая неясыть *Strix nebulosa*, большой пёстрый дятел *Dendrocopos major*, малый пёстрый дятел *Dendrocopos minor*, трёхпалый дятел *Picoides tridactylus*, береговая ласточка *Riparia riparia*, лесной конёк *Anthus trivialis*, жёлтая трясогузка *Motacilla flava*, горная трясогузка *Motacilla cinerea*, белая трясогузка *Motacilla alba*, кукша *Perisoreus infaustus*, сорока *Pica pica*, кедровка *Nucifraga caryocatactes*, серая ворона *Corvus cornix*, садовая славка *Sylvia borin*, черноголовый чекан *Saxicola torquata*, чернозобый дрозд *Turdus atrogularis*, рябинник *Turdus pilaris*, поползень *Sitta europaea*, пухляк *Parus montanus*, юрок *Fringilla montifringilla*, дубровник *Emberiza aureola*, овсянка-крошка *Emberiza pusilla*. Большинство видов коллектированы самими исследователями, шкурки бородатой неясыти, трёхпалого дятла, горной трясогузки, кедровки, поползня, пухляка и юрка были доставлены осенью добровольными помощниками. Кроме того, шкурка чернозобой гагары куплена на базаре, а гуменник определён по чучелу из Сургута, которое хранилось в коллекции Тобольского музея. Находками гнёзд с яйцами установлено гнездование лебедя-кликун, широконоски, перепелятника, глухаря, лесного конька, белой трясогузки, рябинника, садовой славки, дубровника, овсянки-крошки, а птенцов и молодых птиц — свиязи, малого зуйка, сороки, серой вороны (Чугунов 1915). К сожалению, это была первая и последняя работа С.М.Чугунова по орнитологии. Его больше увлекал мир прекрасных как цветы бабочек.

Летом 1915 года Сергею Михайловичу Чугунову посчастливилось побывать в низовьях Оби. Торговый дом «Плотников и сыновья» в качестве спонсорской помощи предоставил ему как университетскому учёному бесплатный проезд на пароходе «Грозный» из Тобольска в Обдорск (ныне Салехард) и обратно. Сергей Михайлович решил использовать эту возможность для зоологических сборов, чтобы проследить распространение дневных бабочек из таёжной зоны на север за Полярный круг. Это была его последнее путешествие в жизни, поэтому расскажем о нём подробнее.

Из Томска в Тобольск он прибыл пароходом 4 июня и в ожидании рейса из Тюмени пробыл нём больше недели. Эти дни он провёл с большой пользой, работая с зоологической коллекцией губернского музея, где изучил имеющиеся сборы бабочек. Кроме того, он удостоился приёма начальника Тобольской губернии Андрея Афанасьевича Станкевича и познакомился с хранящимися в его личной коллекции различными окаменелостями, костями мамонта и гигантского оленя, найденными им в Тобольском уезде.

Во второй половине дня 13 июня на пароходе «Грозный» С.М.Чугунов в обществе ботаника Бориса Николаевича Городкова отправился в путь вниз по Иртышу. От Тобольска до его впадения в Обь прошли бо-

лее 600 вёрст пути, 23 июня миновали городок Берёзов на Малой Оби и вышли на Большую Обь. Во время стоянки в Берёзове Чугунов познакомился с коллекцией бабочек, включающей 16 видов, собранных в окрестностях города И.Н.Тверетиним, инспектором высшего начального училища, и помог ему в их определении.

Во время остановок и стоянок по берегам Иртыша и Оби Чугунов занимался отловом бабочек. Собирал он также в коллекцию встреченные экземпляры остромордых лягушек *Rana arvalis*, отмеченных им по Иртышу у селений Лебаутские юрты и Реполовского. Причём, в последнем часто находил лягушек в огородах и даже в сырых погребах усадеб местных жителей.

К сожалению, путь по реки Оби до Обдорска сопровождался сильными северо-западными ветрами и продолжительными отстоями парохода на якоре в местах, совершенно не пригодных для энтомологических сборов.

Вечером 25 июня 1915 года пароход остановился в устье Полуя у пристани Обдорска. На следующий день пароход с грузами и людьми ушёл далее до островов Нанги и Пуйги в Надымской и Хаманельской частях Оби, где находились рыбопромысловые и консервные заведения Торгового дома «Плотников и сыновья». Сергей Михайлович остался в Обдорске, планируя использовать дни, пока «Грозный» возвратится обратно, на сборы коллекций и этнографических экспонатов.

Остановившись в земской квартире, С.М.Чугунов выходил на экскурсии в окружающую тундру, собирая гербарий, бабочек и других насекомых. В дождливое время он посетил Обдорский музей, созданный православной миссией. Музей располагался в двух больших комнатах бревенчатого дома и включал большую библиотеку по истории изучения Сибири, этнографическую и зоологическую коллекции. Среди последней Чугунов обнаружил два десятка черепов белух *Delphinapterus leucas*, моржей *Trichechus rosmarus*, белых медведей *Ursus maritimus* и мумии тюленей *Phoca vilutina*. Учёный отметил, что из-за отсутствия в музее профессионального таксидермиста все черепа в коллекции были плохо очищены и отбелены, а тюлени изготовлены в виде высушенных мумий путём бальзамирования консервирующими жидкостями. Дав заведующему музея необходимые рекомендации по правилам изготовления и хранения экспонатов, Сергей Михайлович посетил участковую больницу и как профессиональный врач отметил, что она «хорошо обустроенная и обставленная инвентарём, с хорошим набором инструментов».

Познакомившись с местными купцами П.Ф.Тележкиным и Д.А.Чупровым, он приобрёл у них для Зоологического музея Томского университета шкуру белого медведя с реки Кары, череп самки северного оленя *Rangifer tarandus* с Ямала, 5 шкур песцов *Alopex lagopus* с Ямала в

зимнем, весеннем, летнем и ювенильном нарядах, шкурки лебедя-кликун и орлана-белохвоста, пойманных около Обдорска. Кроме того, получил в дар деревянную самоедскую нарту и табакерку из мамонтовой кости, изготовленные самоедами. Все эти предметы он доставил в Томский университет.

Дождавшись возвращения парохода с островов, 29 июня Чугунов выехал в обратный путь, продолжая производить энтомологические сборы во время остановок по берегам Оби и Иртыша. «Обратный путь от Обдорска по Оби, несмотря на встречное течение, представлял приятную летнюю прогулку на пароходе, что обуславливалось тёплой тихой погодой и кратковременными остановками, — записал он в своём дневнике. — Зеркальная поверхность широкой Оби с отражёнными в ней облаками и береговыми кустами тальника или круто поднимающимися мохнатыми берегами была изумительно красива» (Чугунов 1917, с. 4). 6 июля, когда достигли селения Реполовского, Сергей Михайлович записал в дневнике: «Все эти дни стоял густой дым, настолько сильный, что противоположный нагорный берег Иртыша то едва обрисовывался, то совершенно скрывался из глаз. Позже я узнал, что дым в течение июля и августа был широко распространён по Западной Сибири и происходил от обширных пожаров в различных местах: в одном месте горела тундра — высохшие в жаркие дни конца июня болотные травы, в другом — горели торфяники, толстые обнажения которых нередко наблюдаются по берегам Оби и Иртыша, в иных местах горели урманы, тайга. Оранжевый луч солнца с трудом проникал сквозь густую пелену дыма, окутавшего всю страну» (Чугунов 1917, с. 5-6).

О результатах этой поездки Сергей Михайлович опубликовал краткий отчёт «От Тобольска до Обдорска летом 1915 года» (Чугунов 1917), а в журнале «Естествознание и география» напечатал популярный очерк «Природа и люди Сургутского края» (Чугунов 1915).

Не удовлетворённый многолетним положением внештатного ассистента, Сергей Михайлович Чугунов 1 октября 1915 года уволился из университета и устроился на работу заведующим больницей на станции Уфалей Омской железной дороги, а с 1918 года заведовал больницей на станции Вагай на территории современной Тюменской области. С установлением колчаковской власти в 1919 году его назначили главным врачом управления железной дороги города Омска, но это назначение закончилось трагически. О последних днях его жизни сохранилось лишь одно свидетельство: «Осенью 1920 г., отступая из г. Омска белогвардейцы приказали всем медработникам эвакуироваться в Иркутск, тех, кто был против такого приказа, собрали в холодном сарае, в том числе и С.М.Чугунова. В это время стояла холодная погода и, хотя в эту ночь их освободила Красная Армия, С.М.Чугунов сильно простыл и 29 ноября 1920 г. (по старому стилю) умер от крупозного воспаления

лёгких» (Багашев 2006). В этой информации имеется существенная неточность, касающаяся года. В действительности части 27-й стрелковой дивизии Красной Армии освободили Омск от колчаковцев 14 ноября 1919 года. По всей видимости, в условиях неразберихи, происшедшей после освобождения города, ему своевременно не смогли оказать необходимую медицинскую помощь. Место его захоронения осталось неизвестным. Таким образом, датой смерти Сергея Михайловича Чугунова с учётом перевода на новый стиль следует считать не 29 ноября 1920, а 12 декабря 1919 года.

Скоро исполнится 100 лет с момента трагической смерти Сергея Михайловича Чугунова. Он не забыт и почитается наряду с такими замечательными учёными, как Василий Маркович Флоринский, Николай Михайлович Малиев, Сергей Иванович Руденко, стоявших у истоков антропологического направления в Томском университете (Дрёмов 1980; Рыкун 2008). Высоко оценены его заслуги в изучении энтомофауны Сибири, в создании коллекций Музея нормальной анатомии, Кабинета антропологии и Зоологического музея Томского университета.

Л и т е р а т у р а

- Багашев А.Н. 2006. Материалы к биографии Сергея Михайловича Чугунова (в связи со 150-летием со дня рождения) // *Некоторые актуальные проблемы современной антропологии*. СПб.:168-172.
- Дрёмов В.А. 1980. Антропологические исследования в Западной Сибири (XIX – нач. XX в.) // *Вопросы этнокультурной истории Сибири*. Томск: 137-141.
- Рыкун М.П. 2008. Кабинету антропологии Томского государственного университета 50 лет: история, персоналии, перспективы // *Изв. Томск. ун-та*. История **3**, 4: 13-19.
- Словцов И.Я. 1892. Позвоночные Тюменского округа и их распространение в Тобольской губернии // *Материалы к познанию фауны и флоры Российской империи*, **1**: 187-264.
- Чугунов С.М. 1902. Древнее кладбище близ г. Томска «Тоянов Городок» // *Изв. Томск. ун-та* **10**: 1-67.
- Чугунов М.С. 1905. *Антропологический состав населения г. Томска по данным пяти старинных православных кладбищ*. Томск, **1**: 1-197.
- Чугунов С.М. 1910. Научные результаты командировки в окрестности с. Чемал на Алтае в 1909 г. // *Ежегодник Зоол. музея Акад. наук* **15**: 299-317.
- Чугунов С.М. 1915 (1914). Млекопитающие и птицы Сургутского уезда, собранные летом 1913 года // *Ежегодник Тобольского губернского музея*, **24**: 1-44.
- Чугунов С.М. 1915. Природа и люди Сургутского края // *Естествознание и география* **4**: 7-21, **5**: 27-45.
- Чугунов С.М. 1917. От Тобольска до Обдорска летом 1915 года // *Ежегодник Тобольского губернского музея* **26**: 1-18.

Чёрный коршун *Milvus migrans* в Алтайском крае и Республике Алтай

В.М.Важов, Р.Ф.Бахтин, А.А.Черемисин

Виктор Маркович Важов. Алтайский государственный гуманитарно-педагогический университет им. В.М.Шукшина. Ул. Короленко, д. 53, Бийск, 659333, Россия. E-mail: vazhov49@mail.ru

Роман Фёдорович Бахтин. Бийск, 659333, Россия. E-mail: al.raptors@yandex.ru

Алексей Александрович Черемисин. Алтайский государственный университет, филиал. Ул. Социалистическая, 23/1, Бийск, 659332, Россия

Поступила в редакцию 6 августа 2019

Чёрный коршун *Milvus migrans* широко распространён в Евразии, обычен на юге Сибири, включающей Алтайский край, Республику Алтай и предалтайскую равнину, переходящую в предгорья Алтая. Населяет различные ландшафты с древесной растительностью, пригодной для гнездования и с открытыми участками для охоты.

В Северо-Восточном Алтае чёрный коршун – гнездящаяся перелётная птица (Равкин 1973). Обычен в Юго-Восточном Алтае. В райцентре Кош-Агач В.В.Гричик в 1989 году отмечал скопления этих птиц до 20 особей. Многократно наблюдались одиночные коршуны в 1989, 2009, 2011 и 2014 годах над ущельем Куектанар, вплоть до его самой верхней части (Гричик 2016). Обычный гнездящийся перелётный вид Салаирских лесов, взрослые коршуны и их жилые гнёзда здесь встречались регулярно (Васильченко 2004; В.М.Важов и др. 2016; С.В.Важов и др. 2018; Материалы... 2018).

Улетевшие на зиму чёрные коршуны возвращаются на Алтай рано, при появлении первых признаков снеготаяния. В горной части территории весенний пролёт отмечен с 28 марта по 5 мая. На равнине средняя дата прилёта – 5 апреля, ранняя – 28 марта, поздняя – 9 апреля (Стахеев 2000; Кучин 2004). В Крутихинском районе Алтайского края средняя дата прилёта коршуна за период с 1994 по 2012 год – 31 марта, что практически совпадает с датой перехода температуры воздуха через минус 5°C по Каменской метеостанции (Ягунов, Гармс 2015).

В лесостепи Средней Сибири максимальное обилие чёрного коршуна отмечалось во второй половине мая (0.4). Видимо в этот период здесь обитает много негнездящихся особей (Жуков 2006).

Чёрный коршун наблюдался весной и летом 2007 года на горе Бабырган в непосредственной близости от гнездового участка беркута *Aquila chrysaetos* (Важов 2008).

В 2011 году прилёт коршунов отмечен у Барнаула 30 марта, а в Горской пойме птиц у гнёзд видели 9 апреля (Эбель 2015). В 2019 году в Бийске первые чёрные коршуны в составе стаи до 50 особей наблю-

дались 27 марта в 7 ч, пролетающими над коммунальным мостом в северо-западном направлении (М.В.Размологов, устн. сообщ.). Другая группа коршунов из 8 птиц 28 марта проследовала в сторону городской свалки.

В Северо-Западном Алтае в период сезонных миграций 2012 года чёрный коршун регистрировался с 4 по 29 апреля по всей территории Лифляндского заказника (Гармс 2015).

В 2012 году коршун отмечался у Бийска 29 марта. У свалки около Барнаула сидели несколько коршунов 4 апреля. В Затонской пойме пара заняла одно из старых гнёзд 9 апреля, а 25 апреля коршуны здесь были обычными, 7 мая птицы здесь же сидели на гнёздах очень плотно (Гармс и др. 2019).

Чёрный коршун – редкая гнездящаяся перелётная птица Центрального Алтая. Широко распространена по территории, однако избегает тёмнохвойно-таёжные среднегорья (Бочкарева, Ливанов 2013).

В высокогорьях Алтая коршун формирует полуколониальные поселения в тополёвниках у мелких водотоков, стекающих в межгорную Чуйскую котловину со склонов ближайшего хребта (Гричик 2016). В 2013 году установлено гнездование 10 пар по берегам реки Тыдтуярык, а вдоль реки Янтерек – 6 пар. Значительное количество гнёзд этих птиц были свободными.

Встречи одиночных чёрных коршунов отмечены в 2014 году 10 августа на озере Зелёное, 13 августа на перевале Кара-Тюрек, 14 августа в долине Ярлу. В 2015 году единичные коршуны наблюдались 19 августа в долине Кызыл-Чин и 25 августа на южном берегу Телецкого озера. Группу из 10 коршунов, сидевших на сухом дереве, видели 14 августа 2015 в Курайской степи (Кулаков, Кутерницкая 2018).

В 2014 году первый коршун наблюдался над Барнаулом 23 марта, у гнезда в одном из парков города коршуна видели 30 марта, а восточнее Новоалтайска (Первомайский район) – 24 марта (Эбель 2015).

Известны гнездовые участки коршуна в окрестностях Колыванского озера, взрослые птицы регулярно наблюдались здесь в гнездовое время (Русанов и др. 2016). А.Л.Эбель (2015) 9 июля 2014 тоже нашёл коршуна обычным в окрестностях этого озера. На территории национального парка «Сайлюгемский» с 11 по 29 июня 2015 ежедневно, но в небольшом числе, видели чёрных коршунов (Петров и др. 2015).

Примерно через 7-10 дней после прилёта коршуны приступают к гнездованию. На одном участке коршунов, как и канюков *Buteo buteo*, вблизи жилого гнезда всегда имеется несколько старых незанятых построек, которые могут располагаться через 30-50 м. Гнездится коршун на участке несколько лет и систематически занимает одно из своих гнёзд (Карякин 1998; Телегин, Николаев 2010; В.М.Важов и др. 2018). Пустующие гнёзда используются птицами в качестве кормовых пло-

щадок. При дефиците пригодных для гнездования деревьев коршун может строить на одном дереве два или несколько гнёзд. Отмечены случаи, когда он использует гнездовые строения других птиц, в этом случае достраивает их (Карякин 2004; Бекмансуров 2008).

Гнездовые участки коршуна в городах и посёлках Алтая, а также в их окрестностях не являются редкостью (рис. 1) (Бахтин, Важов 2011а,б; Ирисова 2013; Бахтин и др. 2015).

Рис. 1. Взрослый чёрный коршун *Mibvus migrans* на гнездовом участке. Берёзово-осиновый колок у села Малоенисейское. Алтайский край. 15 июля 2010. Фото Р.Ф.Бахтина.

Коршунов в населённые пункты привлекает не столько обилие разнообразного корма, сколько его присутствие в любое время года. Здесь относительно безопаснее, чем в природных условиях. На различных зданиях, сооружениях, многочисленных объектах инфраструктуры в населённых пунктах и вблизи них птицы находят себе удобные места для устройства гнёзд. Зимой в крупных городах значительно теплее, чем за их пределами, искусственное освещение удлиняет световой день, следовательно, имеется возможность увеличения продолжительности дневной кормёжки (Птицы городов... 2012).

Бийск, крупный промышленный город, находится на Юго-Востоке Западно-Сибирской равнины неподалёку от Республики Алтай. Расположен у истока Оби, лежит в её долине и долине нижнего течения Бии, при сливании которой с Катунью образуется Обь. Город тянется

вдоль Бии и Оби с юго-запада на северо-восток более чем на 30 км. Основная часть города расположена на правом берегу Бии, характеризуется многоэтажной застройкой, на левой части долины Бии находится частный жилой сектор. Южная граница Бийска проходит в пределах соснового бора у Бии.

В черту города попадают 4 крупных поселения: Боровое, Фоминское, Жаворонки и посёлок Новый. Между этими населёнными пунктами располагаются лесные массивы и сельскохозяйственные угодья, создающие обилие зелени и множество привлекательных для птиц биотопов. Территория города Бийска неуклонно расширяется, поглощая соседние сёла. Разрушаются живописные природные биотопы соснового бора и береговой зоны строительством элитных особняков. За 310 лет своего существования площадь Бийска увеличилась более чем в 250 раз и составляет примерно 300 км².

Для Бии в её нижнем течении характерны острова и осерёдки, которые делят русло на две-три протоки, в том числе в черте города. На них, а также в пойме Бии и Оби на старицах и озёрах, гнездятся многие виды птиц. В черте города, на островах, многие годы гнездятся утки. К сожалению, бывают случаи их отстрела браконьерами.

Пойма чередуется участками сужений до полукилометра и расширений до километра и более. В нижнем течении Бии, ниже села Усть-Катунь, пойма Бии соединяется с поймой Катунь и образует обширную территорию шириной до 10 км. В половодье максимальный уровень подъёма воды в Бие достигает 5 м.

Надпойменные бийские террасы подразделяются на первую, вторую, третью, четвёртую и пятую, все они на береговых склонах реки имеют вид лестниц со ступенями разной ширины. Самая древняя, пятая терраса превышает урез воды в реке максимально до 80 м. На террасах гнездятся колонии береговых ласточек и другие птицы.

Юго-западную часть города ограничивают старые леса. Среди них преобладают чисто сосновые насаждения, занимающие основную часть покрытых лесом земель. Остальные леса представлены березняками, имеются обширные тополёвые насаждения, ивняки и др.

Наибольшую площадь города занимают селитебные территории. В пригородной зоне широко представлен сельскохозяйственный класс антропогенного ландшафта, чему способствуют благоприятные почвенно-климатические условия для ведения земледелия. Около Бийска выделяется два типа данного класса – полевой и садовый.

Сказанное выше предопределяет благоприятные условия для обитания многих видов птиц, в том числе чёрного коршуна (В.М.Важов и др. 2015а,б). В Бийске выявлены 8 гнездовых участков этой птицы с наблюдаемыми гнёздами: первый – по улице Ленина (2008 год); второй – по Иркутской улице (2013-2014), где два гнезда находятся на со-

седних тополях; третий – по Социалистической улице и четвёртый – по улице Мухачёва (2014-2015). Следующий, пятый участок с необычной трагической судьбой существует в Бийске с 2016 года по улице Короленко, где гнездо построено на старом тополе у ограждения спортивной площадки, где постоянно присутствуют люди. Рядом расположен административный корпус педагогического университета, высотное общежитие, и в 30 м – жилой дом, из окна 7-го этажа которого вели наблюдения за гнездом в 2016-2019 годах.

Начало гнездостроения в 2016 году на 5-м участке по улице Короленко отмечено 25 апреля (Л.С.Банникова, Т.И.Важова, устн. сообщ.). На постоянное присутствие людей у дерева с гнездом коршуны не обращали внимания. С этого времени и на протяжении всего гнездового периода наблюдался территориальный конфликт коршуна с серой вороной *Corvus cornix*, однако коршун всегда доминировал. По окончании сооружения гнезда самка находилась в нём постоянно, откладывала и насиживала яйца, отлучалась только на несколько минут, чтобы покормиться. Изредка облетала территорию рядом с гнездом.

В качестве кормовой площадки коршуны избрали крышу 9-этажного общежития в нескольких метрах от тополя с гнездом. Здесь самец кормил самку и ел сам. Пока самка ела принесённую её партнёром пищу, самец часто летал вокруг гнезда, видимо охранял его от вороны.

Первого птенца в гнезде увидели 18 июня 2016, когда самка его кормила. Пищу приносил самец. Заметные с земли подвижки птенца отмечены 24 июня, когда он начал активно двигаться в гнезде. С этого времени самка стала вылетать из гнезда, но находилась рядом. Через две недели птенец значительно подрос, его стало хорошо видно с земли. Второй птенец в гнезде обнаружен 14 июля 2016, когда старший стал стоять на краю гнезда.

Первый слёток покинул гнездо 30 июля 2016, спланировал на ближний деревянный столб линии электропередачи, долго сидел на его верхушке, перелетел на соседний столб, затем сел на землю под гнездом, отдохнул и вновь совершил полёт у гнезда. Второго слётка наблюдали на следующий день на крыше общежития. Во время полётов птенцов оба родителя находились поблизости на крыше общежития и наблюдали за молодыми. В последний раз слётков видели с взрослыми 28 августа 2016 также на крыше общежития. Очевидно, коршуны готовились к отлёту.

В 2017 году чёрные коршуны на 5-м участке появились 4 апреля. Подновили гнездо, самка села в гнездо 16 апреля. Изредка его покидала, самец в это время постоянно кружил над гнездовой территорией, охраняя гнездо. С 7 мая начались ежедневные конфликты коршуна с вороной, затем к вечеру на этом гнездовом участке появилось несколько коршунов. Они облетели территорию, покружили над гнездом и ис-

чезли. Самка в это время гнездо не покидала, насиживала. В другие дни она очень редко слетала с гнезда, но самец в это время находился рядом. 6 июня 2017 в районе гнезда появились 4 агрессивных коршуна. Они вступили в конфликт с территориальной парой и выкрали двух птенцов. После этого гнездо было брошено. Пустовало оно и в 2018 году.

В 2019 году рассматриваемое гнездо на 5-м участке было жилым, самка начала насиживать 19 апреля с первого яйца. Отмечена попытка конфликта с посторонним коршуном 24 апреля, когда тот пытался проникнуть в гнездо, но самец обратил чужака в бегство. До 25 мая гнездо было обитаемо, родители выкармливали двух птенцов, однако на следующий день налетела группа из 7 коршунов, противостоять которой пара не смогла. Прилетевшие хищники растерзали птенцов, несмотря на отчаянную защиту родителей. Территориальная пара коршунов покинула этот участок, больше её здесь не видели (Л.С.Банникова, Т.И. Важова, устн. сообщ.).

Ещё один гнездовый участок коршунов, шестой, найден рядом с заброшенным стадионом «Авангард» на берегу Бии, в 15 м от спортзала, по Советской улице. Здесь коршуны гнездятся более 10 лет (2007-2019), два гнезда построены на тополях, одно из которых коршуны занимали последние три года подряд, третья постройка находится неподалёку на острове среди реки. Это островное гнездо занималось птицами в 2016 году (М.В.Размологов, устн. сообщ.).

Седьмой многолетний гнездовой участок коршунов находится по улице Мерлина. Гнездо устроено на раскидистом клёне между двумя малоэтажными домами. Успешное размножение отмечается здесь ежегодно начиная с 2011 года.

Восьмой участок появился три года назад по улице Красильникова. Весной 2017 года молодой самец коршуна начал строить гнездо на тополе. Постройка вышла рыхлая и непригодная для гнездования. Весной 2018 года самец вернулся к своему гнезду, достроил его и всё лето жил один около него, призывая самку. В апреле 2019 года он снова прилетел к этому гнезду и вскоре нашёл самку. В третьей декаде июля у этой пары из гнезда успешно вылетел 1 слёток.

С 2018 года территориальная пара коршунов постоянно наблюдалась у Центрального сберегательного банка, вблизи частного сектора, но гнездо не установлено (В.М.Важов и др. 2015а,б). И в 2019 году здесь в гнездовое время систематически отмечалась, предположительно, та же пара коршунов. Есть сведения о занятии коршуном участка у Консультативно-диагностического центра в пойме Бии, где в последние два года держится территориальная пара, но гнездо не найдено (С.В. Важов, устн. сообщ.).

Таким образом, толерантность коршуна к постоянному присутствию людей у мест гнездования позволяет ему успешно заселять город-

скую территорию. С 2008 по 2019 год в Бийске установлено 10 гнездовых участков, из них 8 – с жилыми гнёздами.

По нашим данным (Бахтин 2013), гнездовая плотность коршунов в природных и преобразованных ландшафтах различается практически в 20 раз – 0.6 пар/км² в приречном бийском бору и до 12.34 пар/км² у населённых пунктов, расположенных вблизи Бийска.

Коршуны поселяются в разных лесах, чаще расположенных в поймах и у водотоков, а также в окрестностях озёр и водохранилищ. В степях, при отсутствии деревьев, они не гнездятся. Очевидно, пары каждый год возвращаются к своим старым гнёздам (Рябицев 2014). При гнездовании коршуны не избирательны к видовому составу древостоя, гнёзда строят на наиболее многочисленных в гнездовом биотопе деревьях (Кучин 2004; Бекмансуров 2008; Бахтин 2013).

Гнёзда коршуны, как правило, располагают на высоких деревьях в кронах, так что к ним трудно добраться и они мало приметны. Птицы избегают людных участков леса, хотя терпимы к присутствию человека. Имеются сведения о гнездовании коршуна на скалах (Рябицев 2014).

Высота гнездовых деревьев варьирует от 7 до 36 м. Соответственно, и расположение гнёзд над поверхностью земли разное – от 4 до 24 м. Располагаются гнёзда чаще на боковых сучьях у главного ствола в нижней или средней части кроны, иногда в развилке ствола, реже – на боковой ветви (рис. 2) (Бахтин 2013; В.М.Важов и др. 2018).

Рис. 2. Способы размещения гнёзда чёрного коршуна *Milvus migrans* на деревьях:
А) на боковых сучьях у ствола (23 апреля 2013); Б) в развилке ствола (30 мая 2015);
В) на ветви (27 марта 2014). Алтайский край, Предалтайская равнина.
Фото Р.Ф.Бахтина и С.В.Важова.

Первые пары начинают строить новые гнёзда или подновлять старые в начале апреля, более поздние – через 2 недели (Бахтин 2013; В.М.Важов и др. 2018). В гнездостроении участвуют оба партнёра. По наблюдениям за 6 парами, постройка нового гнезда занимает от 8 до 14 дней (Бахтин 2013). При выборе места гнездования вне селитебных ландшафтов коршуны отдают предпочтение территориям с близостью кормовых ресурсов (Кучин 2004; Бахтин 2009, 2013). Это могут быть любые леса на положительных или отрицательных элементах рельефа,

особенно их приопушечная часть, колки, лесополосы, а при отсутствии лесов и лесонасаждений – опоры линий электропередач, выходы скал, обрывы (Кучин 2004; Бекмансуров 2008).

За время изучения гнездовой биологии коршуна с 2004 по 2011 год на сопредельной с Бийском территории обнаружено 206 гнёзд, из них на урбанизированных ландшафтах – 179 (87%). Диаметр обследованных гнёзд ($n = 110$) изменялся от 40 до 140 см, составляя в среднем 49.8 ± 1.5 см. Крупные гнездовые сооружения более 100 см в поперечнике находили редко, это были старые, многократно подновлённые постройки. Как правило, минимальные размеры имели вновь построенные гнёзда (Бахтин 2013; В.М.Важов и др. 2018). В.И.Телегин и В.В.Николаев (2010) для Западной Сибири приводят следующие размеры гнёзд коршуна ($n = 7$), см: диаметр гнезда 54-100, диаметр лотка 16.5-35, глубина лотка 3-11, высота гнезда 31-79.

Гнезда сооружаются из веток и прутьев. Лоток гнезда коршун избирательно выстилает антропогенным материалом: бумажными обрывками, обрезками картона, тряпками, кусками полиэтилена, кожаными галантерейными изделиями, проволокой и т.п., что является отличительным признаком гнёзд этой птицы, по сравнению с гнёздами других хищников. Добавляет в гнёзда траву и зелёные веточки. Обычно антропогенный материал можно увидеть снизу, подойдя к гнезду. В некоторых случаях лоток выстилается сухим перегноем-сыпцом или навозом (Кучин 2004). В гнезде коршуна могут селиться полевые воробьи *Passer montanus*, и не по одной паре (Телегин, Николаев 2010).

Кладка начинается с середины апреля и продолжается до середины мая. Яйца в одной кладке появляются с интервалом 2-3 дня (Кучин 2004; Бахтин, Важов 2010). Видовая принадлежность яиц определяется их размерами, формой, окраской скорлупы и некоторыми другими оологическими параметрами, удобными для изучения (Ивановский, Захарова 2014). Размеры яиц $53-62 \times 40-48$ мм, масса – 45.0-69.2 г., скорлупа чисто-белая или с голубым оттенком с красно-бурыми пятнами (Кучин 2004; Бахтин, Важов 2010; Ивановский, Захарова 2014).

В гнёздах коршуна в Алтайском крае и Республике Алтай чаще всего находили 3-4 яйца (рис. 3, 4).

В 2004-2010 годах исследованы морфометрические показатели 73 яиц из 32 кладок коршуна. Анализ коэффициентов вариации показал, что среди изученных параметров самыми вариabельными являются масса и объём яиц (Бахтин, Важов 2010). В 91.8% случаев ($n = 28$) максимальную массу в кладке имело яйцо, отложенное первым: его масса больше по сравнению со вторым на 0.13-11.15, в среднем 2.56 ± 0.47 г, что составляет 0.2-18.0%, в среднем $4.4 \pm 0.8\%$. Масса второго яйца превышала первое только в 8.2% случаев – на 0.28-3.00, в среднем 1.51 ± 0.44 г ($n = 6$), что составляет 0.4-5.0%, в среднем $2.6 \pm 0.7\%$. Масса треть-

его яйца во всех случаях была меньше массы второго на 0.06-7.76, в среднем 2.40 ± 0.53 г ($n = 15$), что составляет 0.1-12.0%, в среднем $4.0 \pm 0.9\%$, и меньше массы первого на 0.70-9.48, в среднем 4.03 ± 0.65 г ($n = 15$), что составляет 1.1-14.2%, в среднем $6.5 \pm 1.0\%$.

Рис. 3. Кладка чёрного коршуна *Milvus migrans* из 3 яиц. Сосновый бор у Бийска. Алтайский край. 8 мая 2010. Фото Р.Ф.Бахтина.

Рис. 4. Кладка чёрного коршуна *Milvus migrans* из 4 яиц. Пойма Катунь у села Лесное. Алтайский край. 10 мая 2010. Фото Р.Ф.Бахтина.

Анализ индекса формы яйца показал, что 70.6% вторых яиц в кладке имеют более округлую форму, чем первые; 73.3% третьих яиц имеет менее округлую форму, чем вторые, и в 46.7% случаев – чем первые. В кладках с 4 яйцами в одном случае четвёртое яйцо имело самую округлую форму; в другом – более округлую, чем первое, но менее округлую, чем второе и третье яйца (Бахтин, Важов 2010).

Рис.5. Птенцы чёрного коршуна *Mihus migrans* в первом пуховом наряде. Сосновый бор у Бийска. Алтайский край. 5 июня 2010. Фото Р.Ф.Бахтина.

Насиживает обычно самка начиная с первого яйца, инкубация одного яйца длится 25-29 дней (Рябицев 2014). Примерно за сутки до вылупления внутри яйца слышен «стук». За начало вылупления принято считать появление на скорлупе первой «звёздочки», спустя несколько часов может появиться и вторая. На следующие сутки возникает отверстие диаметром 10-15 мм. К началу третьих суток птенец полностью освобождается от скорлупы. Вылупление птенцов происходит в конце мая или в начале июня и длится неделю-полторы. Количество птенцов – 1-2, иногда 3 (рис. 5, 6). Они полностью оперяются примерно на 25-й день (Кучин 2004; Бахтин 2013).

Птенцы сидят в гнезде примерно 1.5 месяца (Рябицев 2014). На Алтае молодые вылетают из гнёзд во второй декаде июля (рис. 7) (Бахтин 2013). Выводки распадаются в августе, когда начинаются послегнездовые кочёвки, переходящие в отлёт коршунов на зимовку.

Рис. 6. Птенец чёрного коршуна *Milvus migrans* во втором пуховом наряде. Лесополоса у села Светлоозёрское. Алтайский край. 19 июня 2010. Фото Р.Ф.Бахтина

Рис. 7. Слёток чёрного коршуна *Milvus migrans* у гнезда. Бийск. 16 мая 2015. Фото Р.Ф.Бахтина.

Осенью в долинах рек Бия и Катунь последние коршуны зарегистрированы А.П.Кучиным (2004) в разные годы с 3 до 8 сентября, в лесостепи – в первой половине сентября (Кучин 2004; Конунова 2005; Бахтин 2013). Однако есть примеры, когда коршуны задерживаются с отлётом (Важов, Бахтин 2009; Бахтин и др. 2010). В окрестностях города Белокуриха наблюдалась молодая птица на кормёжке 8 октября 2009.

Коршун – один из немногих пернатых хищников, формирующий на пролёте стаи: от небольших до многочисленных. В 2011 году первые стаи по 20-30 особей наблюдались 19 августа; 26 августа около 19 ч над Бийском в западном направлении пролетела стая примерно из 100 особей, а 27 августа в этом же направлении с 18 ч до 18 ч 50 мин коршуны летели непрерывно (более 300 особей). В сентябре эти птицы обычно летят небольшими группами. Последние чёрные коршуны отмечались у Бийска в 2009 году 25-26 сентября, в 2010 – 23 сентября (Важов, Бахтин 2009; Бахтин 2013). В 2013 году поздние встречи коршунов отмечены 5 октября у села Солоновка в Смоленском районе и ослабленная птица подобрана у свалки в Барнауле 12 октября*.

Над Бийском 16 августа 2018 нами в течение 3 ч наблюдались мигрирующие коршуны, летящие в южном и юго-западном направлениях в виде непрерывных цепочек, состоящих из сотен особей; 28 августа зарегистрированы отдельные группы пролетающих коршунов по несколько птиц; 4 сентября отдельные группы по 2-3 птицы медленно кружили над центральной частью города; 6 сентября здесь же видели одиночных птиц; 10-11 сентября наблюдали на пролёте группы коршунов из 5-10 особей; 13-16 сентября над городом пролетели одиночные птицы; 17 сентября в 15 ч удалось насчитать 68 медленно кружащих птиц над Центральной городской гостиницей, перемещающихся в западном направлении; 26 сентября на городском полигоне бытовых отходов кормились 10 коршунов, а 28 сентября их здесь было 6.

Состав пищи коршуна разнообразен. Его рацион включает естественные корма – рыбу, птиц и грызунов, подранков водоплавающих птиц, насекомых: жесткокрылых, прямокрылых и стрекоз. Гнездящиеся недалеко от населённых пунктов коршуны подбирают отбросы и падаль, утилизируя трупы различных погибших животных. На сельских свалках наблюдаются коршуны стаями; так, в междуречье Лабы и Кубани у села Ходзь 4 мая 2008 встречена стая из 25 птиц (Белик 2019). Чёрного коршуна можно считать «санитаром» (Кучин 2004; Макаров, Шапетько 2010; Бахтин 2013).

Учитывая пользу, приносимую чёрным коршуном, его следует признать полезным хищником. Ущерб редким и ценным видам он не наносит. Коршун занимает важное место в лесостепных экосистемах и на

* Эбель А.Л. 2016. Чёрный коршун (*Milvus migrans*) // Пернатые хищники Мира (Веб-ГИС «Фаунистика»). URL: <http://raptors.wildlifemonitoring.ru> (дата обращения: 23.07.2019).

берегах водоёмов и рек (Фефелов и др. 2001). Существенную часть рациона чёрного коршуна составляют переносчики опасных заболеваний человека и животных.

Авторы выражают благодарность Лидии Серафимовне Банниковой, Татьяне Ивановне Важовой, Михаилу Витальевичу Размолотову, проводившим наблюдения за гнездованием чёрных коршунов в Бийске в разные годы и предоставившим свои сведения.

Литература

- Бахтин Р.Ф. (2009) 2016. Особенности поведения чёрного коршуна *Milvus migrans* синантропной популяции в первые дни после прилёта в окрестностях Бийска // *Рус. орнитол. журн.* **25** (1373): 4701-4704.
- Бахтин Р.Ф. 2013. Чёрный коршун в антропогенных ландшафтах. Бийск: 1-123.
- Бахтин Р.Ф., Важов С.В. 2010. Изменчивость морфометрических параметров яиц популяции чёрного коршуна (*Milvus migrans* Bodd.) в окрестностях Бийска (Алтайский край) // *Естественные и технические науки* **6** (50): 140-141.
- Бахтин Р.Ф., Важов С.В., Макаров А.В. 2010. Экология синантропной популяции чёрного коршуна в окрестностях Бийска, Алтайский край, Россия // *Пернатые хищники и их охрана* **20**: 68-83.
- Бахтин Р.Ф., Важов С.В. 2011а. К изучению синантропизации чёрного коршуна (*Milvus migrans* Bodd.) // *Изв. Алтай. ун-та* **3** (2): 7-9.
- Бахтин Р.Ф., Важов С.В. 2011б. Хищные птицы окрестностей полигона бытовых отходов г. Бийска // *Алтай: экология и природопользование. Тр. 10-й российско-монгольской науч. конф. молодых учёных и студентов*. Бийск: 8-11.
- Бахтин Р.Ф., Важов С.В., Ирисова Н.Л. 2015. О гнездовании чёрного коршуна в городах Алтайского края // *Алтай. зоол. журн.* **9**: 39-41.
- Бекмансуров Р.Х. 2008. Хищные птицы Национального парка «Нижняя Кама» // *Пернатые хищники и их охрана* **13**: 41-47.
- Белик В.П. 2019. Летняя орнитофауна предгорных районов Северного Кавказа в междуречье Лабы и Кубани // *Рус. орнитол. журн.* **28** (1799): 3333-3407.
- Бочкарева Е.Н., Ливанов С.Г. 2013. *Птицы Центрального Алтая: Численность, распределение и пространственно-временная дифференциация населения*. Новосибирск: 1-544.
- Важов В.М., Бахтин Р.Ф., Важов С.В. 2015а. О гнездовании *Milvus migrans* в селитебных ландшафтах // *Природные условия, история и культура Западной Монголии и сопредельных регионов: Материалы 12-й международ. науч. конф.* Томск: 58-59.
- Важов В.М., Бахтин Р.Ф., Важов С.В. 2015б. О гнездовании чёрного коршуна в Бийске // *Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований* **10** (1): 171.
- Важов В.М., Черемисин А.А., Фефелова А.Ю. 2016. Некоторые данные о гнездовании чёрного коршуна (*Milvus migrans*) в селитебных ландшафтах Алтая // *Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований* **12** (8): 442-444.
- Важов В.М., Яськов М.И., Черемисин А.А. 2018. К вопросу о гнездовании чёрного коршуна в селитебных ландшафтах Алтайского края на примере г. Бийска // *Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований* **8**: 69-73.
- Важов С.В. 2008. О гнездовании беркута – *Aquila chrysaetos* (Linnaeus, 1758) на северной оконечности Семинского хребта // *Алтай: экология и природопользование: Тр. 7-й Российско-монгольской науч. конф. молодых учёных и студентов*. Бийск, 1: 79-84.
- Важов С.В., Бахтин Р.Ф. 2009. Аномально поздняя встреча чёрногоухого коршуна в предгорьях Алтая, Россия // *Пернатые хищники и их охрана* **16**: 167.
- Важов С.В., Важов В.М., Черемисин А.А. 2018. Материалы к изучению ястребиных птиц Салаирского края // *Рус. орнитол. журн.* **27** (1664): 4393-4403.
- Васильченко А.А. 2004. *Птицы Кемеровской области*. Кемерово: 1-488.

- Гармс О.Я. 2015. Наблюдения птиц в Лифляндском заказнике (Северо-Западный Алтай) в период сезонных миграций 2012 года // *Алтай. зоол. журн.* **9**: 61-66.
- Гармс О.Я., Эбель А.Л., Беляев И.А. 2019. Авифенология весны 2012 года в Барнауле // *Рус. орнитол. журн.* **28** (1753): 1503-1525.
- Гричик В.В. 2016. Материалы к распространению и биологии птиц Юго-Восточного Алтая (неворобьиные) // *Орнитология* **40**: 46-61.
- Жуков В.С. 2006. *Птицы лесостепи Средней Сибири*. Новосибирск: 1-492.
- Ивановский В.В., Захарова Г.А. 2014. Использование оологических параметров для определения яиц хищных птиц // *Рус. орнитол. журн.* **23** (1058): 3151-3161.
- Ирисова Н.Л. (2013) 2015. К экологии синантропной популяции чёрного коршуна *Milvus migrans* в Алтайском крае и предпосылки его синантропизации // *Рус. орнитол. журн.* **24** (1187): 3247-3252.
- Карякин И.В. 1998. *Пернатые хищники Уральского региона. Соколообразные (Falconiformes), Совообразные (Strigiformes)*. Пермь: 1-475.
- Карякин И.В. 2004. *Пернатые хищники (методические рекомендации по изучению соколообразных и совообразных)*. Нижний Новгород: 1-351.
- Конунова А.Н. 2005. К экологии чёрного коршуна в долине реки Башкаус // *Актуальные вопросы изучения птиц Сибири*. Барнаул: 81-83.
- Кулаков Д.В., Кутерницкая Е.А. 2018. Орнитологические наблюдения на Алтае // *Рус. орнитол. журн.* **27** (1567): 695-703.
- Кучин А.П. 2004. *Птицы Алтая*. Горно-Алтайск: 1-777.
- Макаров А.В., Шапетько Е.В. 2010. Мелкие млекопитающие в антропогенных ландшафтах окрестностей г. Бийска // *В мире научных открытий* **3** (3): 38-47.
- Материалы комплексного экологического обследования участков территории Заринского, Тогульского и Ельцовского районов Алтайского края, обосновывающие придание им правового статуса особо охраняемой природной территории федерального значения – национальный парк «Тогул» (Эколого-экономическое обоснование)*. 2018. Барнаул: 1-159 (рукопись).
- Петров В.Ю., Иноземцев А.Г., Рыжков Д.В. 2015. К фауне птиц хребта Сайлюгем (Юго-Восточный Алтай) // *Алтай. зоол. журн.* **9**: 78-82.
- Птицы городов России*. 2012. СПб.; М.: 1-513.
- Равкин Ю.С. 1973. *Птицы Северо-Восточного Алтая*. Новосибирск: 1-376.
- Русанов Г.Г., Вазов С.В., Бахтин Р.Ф. 2016. *Колыванское озеро: происхождение, геоморфология, экология*. Бийск: 1-168.
- Рябицев В.К. 2014. *Птицы Сибири: справочник-определитель*. Москва; Екатеринбург, 1: 1-438.
- Стахеев В.А. 2000. *Птицы Алтайского заповедника*. Шушенское: 1-189.
- Телегин В.И., Николаев В.В. 2010. Материалы по гнездованию птиц в Западной Сибири // *Алтай. зоол. журн.* **4**: 67-77.
- Фефелов И.В., Тупицын И.И., Подковыров В.А., Журавлёв В.Е. 2001. *Птицы дельты Селенги: Фаунистическая сводка*. Иркутск: 1-320.
- Эбель А.Л. 2015. О некоторых фаунистических и фенологических наблюдениях птиц в Алтайском крае (неворобьиные) // *Рус. орнитол. журн.* **24** (1104): 427-450.
- Ягунов М.Г., Гармс О.Я. 2015. Авифенология в селе Волчно-Бурлинском (Крутихинский район Алтайского края) с 1994 по 2012 год // *Алтай. зоол. журн.* **9**: 86-91.

Экологические аспекты динамики распространения среднего пёстрого дятла *Dendrocopos medius* в Нижнем Поволжье

Е.В.Завьялов, Г.В.Шляхтин, В.Г.Табачишин,
Н.Н.Якушев, Е.Ю.Мосолова

Второе издание. Первая публикация в 2010*

На современном этапе в отношении окраинных популяций среднего пёстрого дятла *Dendrocopos medius* изучаются процессы его расселения в северо-восточном направлении. В течение длительного периода этот стенобионтный вид обитал в относительно стабильных условиях, которые соответствуют, очевидно, тем, в которых он сформировался. Необходимыми условиями для активации процесса расселения этого дятла в нижеволжском регионе являются наличие территорий с благоприятными экологическими характеристиками, а также выраженные кочёвки птиц вне репродуктивного периода (Завьялов и др. 2003). Однако главное условие формирования стабильных популяций этого вида на вновь осваиваемых территориях — экологическая адаптация, проявляющаяся преимущественно в выборе гнездовых биотопов.

В настоящее время уязвимость исходных местообитаний среднего пёстрого дятла растёт вследствие изоляции лесных массивов, их внутренней фрагментации, ослабления позиций дуба в древостоях (Фридман 2005). Прогнозируются даже резкое падение численности и исчезновение некоторых охраняемых группировок в пределах среднерусской популяции. На севере Нижнего Поволжья к таковым могут быть отнесены самые западные поселения вида, приуроченные к водораздельным лесам на границе Тамбовской, Саратовской и Воронежской областей. В настоящее время они рассматриваются как станции переживания вида и очаги его первичного расселения. Вместе с тем, мнение о возможной дестабилизации популяций среднего дятла в ближайшей перспективе в Поволжье носит дискуссионный характер и требует дополнительных наблюдений. Данное обстоятельство определяет актуальность настоящего исследования.

Сообщения о пребывании среднего дятла в репродуктивный период в бассейнах рек Волги и Дона на территории Саратовской области появились с конца 1980-х годов. Приблизительно с этого времени птицы проявляют отчётливо выраженную тенденцию к расширению ареала в

* Завьялов Е.В., Шляхтин Г.В., Табачишин В.Г., Якушев Н.Н., Мосолова Е.Ю. 2010. Экологические аспекты динамики распространения среднего дятла (*Dendrocopos medius*) в Нижнем Поволжье // *Экология* 1: 74-77.

восточном направлении, которая наблюдается на фоне дестабилизации некоторых исходных популяций в пределах основного ареала. Впервые гнездование среднего пёстрого дятла на западе саратовского Правобережья зарегистрировано в 1991 году; с этого времени он стал регулярно размножаться в Турковском, Аркадакском и Романовском районах Саратовской области (Хрустов и др. 1995).

Рис. 1. Средний пёстрый дятел *Dendrocopos medius* у гнездового дупла. Палласовка, Волгоградская область. 4 мая 2016. Фото В.Никифоровой.

В последующем восточная граница распространения дятла была уточнена, она проводилась по территории Волгоградской и Саратовской областей и ограничивалась западными пределами Приволжской возвышенности (Завьялов, Лобанов 1996). Например, размножение вида подтверждено для поймы Хопра в окрестностях населённых пунктов Новониколаевский, Терновка, Балашов, Малиновка, Аркадак, Кистендей и Макарово. В пределах Пензенской области распространение дятла ограничивалось $52^{\circ}40'$ с.ш. и было приурочено в тот период к участкам поймы рек Хопёр и Сердоба между $44^{\circ}00'$ и $45^{\circ}20'$ в.д. Далее граница ареала опускалась к югу и охватывала западные районы Правобережья Саратовской области до $45^{\circ}30'$ в.д. Эта территория включает пойму рек Хопёр и Медведица и их междуречье (Завьялов, Табачин 2001). Гнездование вида в медведицкой пойме подтверждалось и

более поздними исследованиями. Здесь средний дятел поселяется в зрелых осокорниках с незначительной примесью дуба первой надпойменной террасы на всем протяжении реки (Саранцева и др. 2001).

Таким образом, на обширной территории северо-западной части Нижнего Поволжья европейский средний дятел в конце прошлого столетия был представлен стабильными локальными популяциями, однако его численность повсеместно была низка. Тенденции динамики численности в тот период не были до конца выявлены, а имеющиеся данные по обилию вида в пойменных местообитаниях свидетельствовали о незначительных сезонных флуктуациях этого показателя, что позволило внести предложение о целесообразности включения среднего пёстрого дятла в Красную книгу России на уровне европейского подвида *D. m. medius* (Завьялов, Табачишин 2000).

Рис. 2. Средний пёстрый дятел *Dendrocopos medius*.
Ульяновск. 9 марта 2016. Фото Е.Софронова.

Сведения о распространении и численности среднего дятла в 1990-х годах, обобщённые В.С.Фридманом (2001) на страницах Красной книги Российской Федерации, свидетельствуют о развитии двух процессов, характеризующих динамичность северных и восточных границ ареала вида. С одной стороны, в последнем десятилетии XX века отмечалось резкое сокращение численности среднего дятла у северных пределов распространения. С другой стороны, наблюдалось его стремительное продвижение на восток, темпы которого В.С.Фридман, очевидно, из-за

недоступности для него некоторых специальных публикаций (Завьялов 1996; Завьялов, Лобанов 1996), не сумел определить достаточно точно. В результате европейскому среднему дятлу были присвоены 2-я категория и статус сокращающегося в численности подвида. Более того, автор видового очерка указывает, что в целом численность этих птиц на рубеже столетий сокращалась вне очагов устойчивого размножения и была стабильна в районах, к которым, например, относится территория в сопредельном Борисоглебском районе Воронежской области.

По нашему мнению, говорить о резком снижении суммарных количественных показателей подвида в условиях перемещения границ его распространения на обширных пространствах достаточно сложно и, вероятно, преждевременно. На вновь осваиваемых территориях обилие вида действительно ниже, чем в оптимальных местообитаниях — спелых дубравах. Расселение среднего дятла на севере Нижнего Поволжья протекает преимущественно вдоль рек, в Волгоградской области — по ареным и пойменным лесам (Чернобай 2004). Различия в плотности населения вида в очагах устойчивого размножения и за пределами основного ареала достигают 2-3-кратных значений. Однако масштабы наблюдаемой тенденции в распространении вида, когда за несколько лет осваиваются десятки километров к востоку от районов бывшего обитания, позволяют прогнозировать по меньшей мере стабилизацию в динамике общей численности подвида в европейской части России. Высказанное предположение косвенно подтверждает анализ биотопической приуроченности вновь образующихся поселений вида. Как правило, они формируются в пределах сплошных или фрагментированных пойменных дубрав, однако всё чаще мы сталкиваемся с примерами адаптации дятла к размножению в лесных массивах, где доля дуба в составе древостоя не превышает 10-15%.

Интенсивность расселения птиц на восток в первые годы XXI века можно проиллюстрировать несколькими примерами (рис. 3). Так, с начала 1990-х годов средним дятлом были заселены обширные территории Среднего Дона, поймы Медведицы и Хопра, а также их притоков (Терса, Бузулук, Кардаил, Косарка и др.) в пределах границ Волгоградской области (Чернобай 2004). В июне 2005 года на основе полевых коллекционных сборов нами подтверждено размножение европейского среднего дятла в пойме Дона у села Песковатки на территории Городищенского района этой области. Во второй декаде июня молодые и взрослые птицы неоднократно наблюдались нами в пойменных дубравах и осинниках в Калачевском районе в южном направлении до пересечения с автомобильной трассой Ростов-на-Дону — Волгоград. Начиная с 1999 года, когда была отмечена первая гнездящаяся пара, средний пёстрый дятел широко заселил территорию Пензенской области до широты областного центра (Фролов, Коркина 2005). Он отнесён к

группе редких видов в составе орнитокомплексов овражно-балочных систем в окрестностях села Буркин Буерак в Саратовском районе в 2004-2005 годах (Федорова 2005).

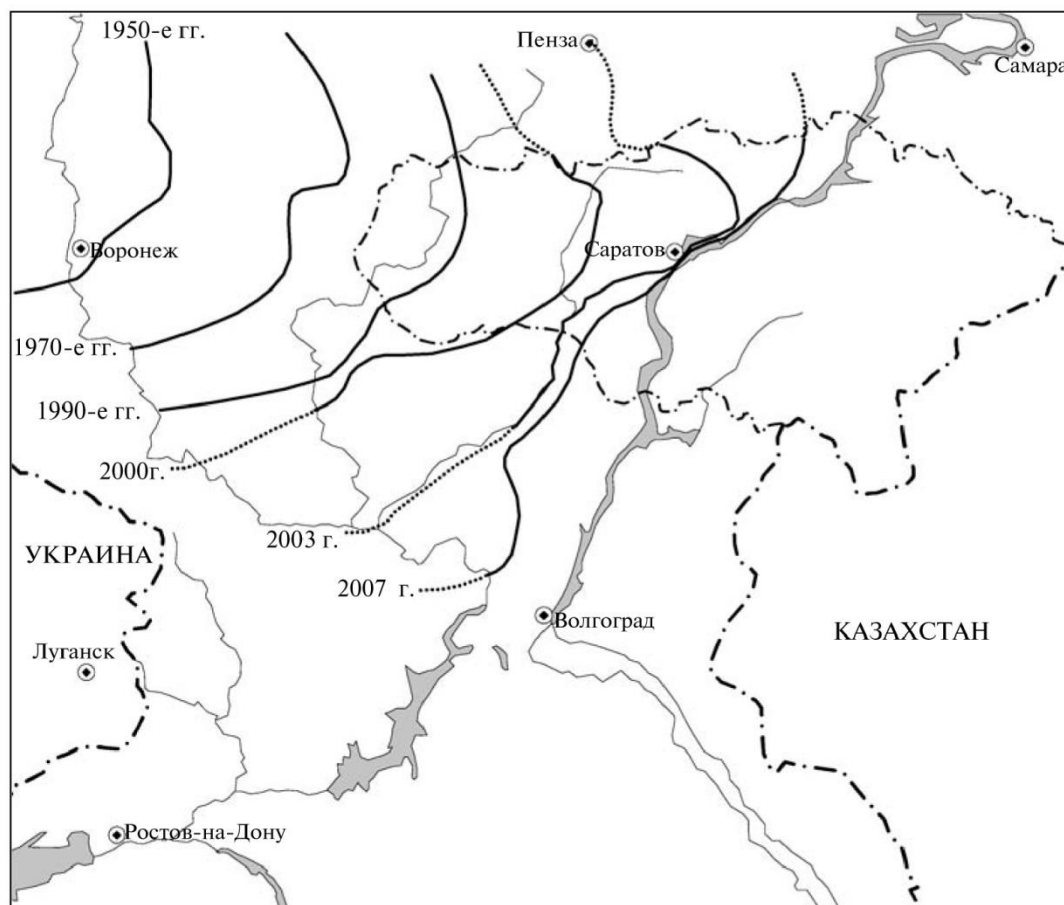

Рис. 3. Динамика распространения среднего пёстрого дятла *Dendrocopos medius* в Нижнем Поволжье и на сопредельных территориях.

В первые годы XXI столетия граница распространения среднего пёстрого дятла на гнездовании в Саратовской области продвинулась ещё далее на восток. Так, 10 мая 2004 гнездо этого дятла найдено в пойменном лесу реки Терешки близ села Комаровки ($51^{\circ}56'$ с.ш., $46^{\circ}37'$ в.д.) Воскресенского района. В этом же полевом сезоне 24 июля зарегистрирована молодая птица. Весной 2007 года в этом районе средний дятел уже относился к обычным птицам. Кроме того, в январе 2004 года стабильная зимняя популяция вида зарегистрирована на одном из больших волжских островов в Воскресенском районе напротив правобережного населённого пункта Чардым. Дятлы держались в стациях, сходных по экологическим условиям с основными репродуктивными районами (зрелые дубняки с примесью других широколиственных пород). В 2004 году размножение среднего дятла подтверждено для пойменных лесов острова Чардым на территории одноименного спортивно-оздоровительного лагеря Саратовского университета. Здесь этот дятел обитает в течение всего года (Завьялов и др. 2005).

Осенью 2005 года в окрестностях села Славянка Воскресенского района в пойме реки Чардым одиночный средний дятел отмечен 5 ноября. Самой северной точкой обнаружения изучаемого вида в регионе являлась волжская долина в окрестностях санатория «Светлана» в Вольском районе (52°03' с.ш., 47°36' в.д.), где одиночная птица наблюдалась в дубово-вязовом лесу 21 декабря 2006. Затем одиночный дятел зарегистрирован 23 октября 2007 в дубовой роще в окрестностях станции Сенная Вольского района. Однако на современном этапе достоверно подтверждено размножение среднего пёстрого дятла на границе Вольского и Хвалынского районов Саратовской области в урочище «Мухин дол» (Брехов 2007). Весной 2008 года он был обычен в учётах в пойме нижнего и среднего течения реки Терешки. Таким образом, в волжской долине к настоящему времени сформировалась стабильная репродуктивная популяция вида и встречи среднего пёстрого дятла здесь уже обычны.

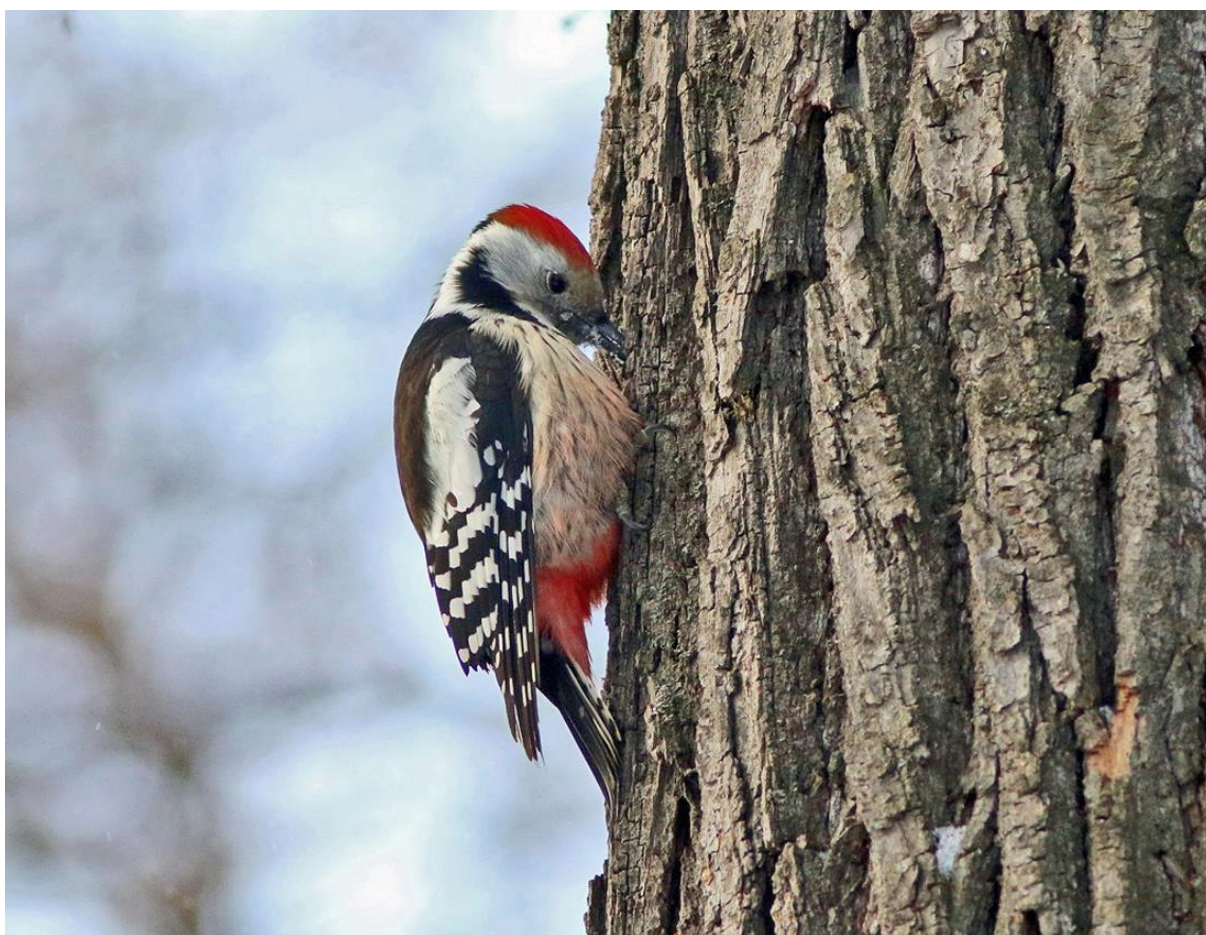

Рис. 4. Средний пёстрый дятел *Dendrocopos medius*.
Ульяновск. 12 января 2018. Фото Е.Софронова.

Примечательно, что средний дятел недавно включён в списки гнездовой фауны сопредельной Пензенской области, а это реально отражает процесс расселения вида в Поволжье (Фролов и др. 2001). С данных позиций нам представляется весьма вероятным размножение вида на

территории Ульяновской области, сообщения о котором В.С.Фридман (2001) относит к числу ошибочных. В целом область стабильного размножения среднего пёстрого дятла продвинулась на восток в российском Черноземье и Нижнем Поволжье на 100-180 км и охватывает долины рек Донского бассейна. Вне зоны устойчивого размножения эти птицы с относительно низкой плотностью гнездятся в пойме волжских правобережных притоков и в водораздельных лесах практически на всей территории саратовского Правобережья, где распространены дубравы различного возраста и состава, а также осинники и черноольшаники даже с незначительной примесью дуба. К настоящему времени видом заселены и волжские островные экосистемы в пределах верхней зоны Волгоградского водохранилища.

Приведённые выше данные свидетельствуют о том, что на обширной территории северо-западной части Нижнего Поволжья средний дятел представлен в настоящее время стабильными популяциями, его ареал носит сплошной характер, а численность сопоставима с таковой в центральных частях ареала. Окраинные поселения разрозненны, они приурочены к волжской долине, где в максимальной степени проявляются адаптивные реакции этого вида в отношении выбора гнездовых биотопов. Средние дятлы с относительно высокой плотностью заселяют широколиственные массивы, где доля дуба значительно меньше, чем в основных репродуктивных районах, и в которых в основных репродуктивных районах размножение этого вида не наблюдается. Средние пёстрые дятлы иногда поселяются даже на участках мелколиственных пород с незначительными вкраплениями или отдельными сухоствольными дубами.

Описанные процессы протекают на фоне естественных и антропогенно обусловленных сукцессий растительности, приводящих в волжской долине и на водоразделах к замене дубняков преимущественно осокорниками и кленовниками. На данном этапе можно лишь предположить, что подобные адаптации среднего дятла будут приводить к постепенному сглаживанию амплитуды количественных показателей, наблюдаемых для европейского среднего дятла в центральной и восточной частях его ареала. На основе полученных результатов может быть пересмотрен природоохранный статус вида в федеральной и региональных Красных книгах. Так, учитывая стабилизацию численности гнездовой популяции среднего дятла на севере Нижнего Поволжья в начале XXI столетия, он был рекомендован к внесению во второе издание Красной книги Саратовской области на уровне европейского подвида как редкий таксон со стабильной численностью (Завьялов и др. 2005). Поэтому требуются сохранение крупных массивов дубрав и искусственное восстановление лесных массивов данного типа (Фридман 2001). Необходимы также создание особо охраняемых природных

территорий в местах гнездовой концентрации средних дятлов и активизация распространения среди населения природоохранных знаний об охране вида.

Л и т е р а т у р а

- Брехов В.В. 2007. Урочище «Мухин дол» // *Особо охраняемые природные территории Саратовской области: национальный парк, природные микрозаповедники, памятники природы, дендрарий, ботанический сад, особо охраняемые геологические объекты*. Саратов: 98-100.
- Завьялов Е.В. 1996. Дятел средний *Dendrocopos medius* (L.) // *Красная книга Саратовской области: Растения, грибы, лишайники. Животные*. Саратов: 239-240.
- Завьялов Е.В., Лобанов А.В. 1996. Распространение среднего дятла на территории Саратовской и Волгоградской областей // *Матеріали II конф. молодих орнітологів України*. Чернівці: 65-66.
- Завьялов Е.В., Табачишин В.Г. 2000. Теоретическое обоснование внесения в Красную книгу России популяций европейского среднего дятла из бассейнов Волги и Дона // *Редкие, исчезающие и малоизученные птицы России*. М.: 170-174.
- Завьялов Е.В., Табачишин В.Г. 2001. Распространение и морфометрическая характеристика среднего дятла (*Dendrocopos medius* (L.)) в Нижнем Поволжье // *Изв. Сарат. ун-та. Сер. биол. Спец. вып.*: 293-301.
- Завьялов Е.В., Табачишин В.Г., Мосолова Е.Ю. 2005. Распространение европейского среднего дятла *Dendrocopos medius medius* на севере Нижнего Поволжья на рубеже столетий // *Рус. орнитол. журн.* 14 (292): 589-594.
- Завьялов Е.В., Шляхтин Г.В., Табачишин В.Г. и др. 2003. Генезис природных условий и основные направления современной динамики ареалов животных на севере Нижнего Поволжья. Сообщ. V. Распространение птиц в условиях динамики естественных факторов среды // *Поволж. экол. журн.* 2: 119-146.
- Завьялов Е.В., Шляхтин Г.В., Табачишин В.Г. и др. 2006. Редкие и исчезающие птицы на страницах Красной книги Саратовской области // *Поволж. экол. журн.* Спец. вып.: 84-96.
- Саранцева Е.И., Саранцев А.А., Беляченко А.В. 2001. Особенности структуры населения птиц долин малых рек Нижнего Поволжья // *Вопросы биологии, экологии, химии и методики обучения*. Саратов, 4: 54-55.
- Фёдорова И.А. 2005. Особенности видовой структуры сообществ птиц овражно-балочных систем // *Студенческие исследования в биологии*. Саратов, 3: 107-111.
- Фридман В.С. 2001. Европейский средний дятел *Dendrocopos medius medius* (Linnaeus, 1758) // *Красная книга Российской Федерации. Животные*. М.: 545-546.
- Фридман В.С. 2005. Состояние популяций среднего дятла в Европе: новые и неожиданные изменения // *Беркут* 14, 1: 76-98.
- Фролов В.В., Коркина С.А. 2005. Дятел средний *Dendrocopos medius* (Linnaeus, 1758) // *Красная книга Пензенской области*. Т. 2. Животные. Пенза: 161.
- Фролов В.В., Коркина С.А., Фролов А.В. 2001. Видовой состав и население неворобьиных птиц Пензенской области в XX в. // *Актуальные проблемы изучения и охраны птиц Восточной Европы и Северной Азии*. Казань: 609-610.
- Хрустов А.В., Подольский Ф.Л., Завьялов Е.В., Пискунов В.В., Шляхтин Г.В., Мосейкин В.Н., Лебедева Л.А. 1995. Редкие и исчезающие птицы Саратовской области // *Рус. орнитол. журн.* 4, 3/4: 125-142.
- Чернобай В.Ф. 2004. Средний дятел *Dendrocopos medius* (Linnaeus, 1758) // *Красная книга Волгоградской области*. Т. 1. Животные. Волгоград: 141.

Большой баклан *Phalacrocorax carbo* – новый гнездящийся вид Минусинской котловины

Т.А.Гельд, Т.В.Злотникова, Е.В.Пинясова

Татьяна Александровна Гельд, Тамара Викторовна Злотникова, Евгения Викторовна Пинясова.
Хакасский государственный университет имени Н.Ф.Катанова, Абакан, Россия

Второе издание. Первая публикация в 2015*

По данным Л.С.Степаняна (2003, с. 31-32), большой баклан *Phalacrocorax carbo* имеет обширный ареал и в среднесибирской части Евразии к северу распространён до 51-й параллели. Северная граница ареала непостоянна. Минусинская котловина располагается севернее 51-й параллели. В начале XX века в Саянах и в Минусинском крае большого баклана не встречали (Туров 1923, с. 13-16).

Во второй половине XX века появляются сведения о встречах большого баклана в Минусинской котловине и на сопредельных территориях. В частности, в низовьях реки Ус в 1979 и 1981 годах (Сыроечковский, Безбородов 1987), в урочище Трёхозёрки Минусинской котловины в 1991-1994 годах (Байкалов и др. 1997).

В 1992 году большие бакланы встречены на реке Абакан в окрестностях аула Нижний Сафьян (Усть-Абаканский район, Хакасия). В 1999 году небольшая стая бакланов отмечена на Енисее в 30 км от города Абакана вверх по реке. В августе 2009 года бакланы встречены в окрестностях деревни Монастырка (62 особи) и села Кирово (25 особей), стайки состояли в основном из молодых особей†.

С.М.Прокофьев в своей статье «Редкие позвоночные животные Алтае-Саянской горной страны» (2001) для территории Хакасии, в том числе для Минусинской котловины, отмечает большого баклана как редкий залётный, пролётный (заходящий) вид. Предполагалось внесение данного вида в Красную книгу Республики Хакасии, но из-за отсутствия информации о большом баклане он не был включён в региональную Красную книгу.

В первой декаде сентября 2010 года скопления больших бакланов отмечены на разливах Енисея в окрестностях посёлка Усть-Абакан. Во второй декаде августа 2011 года стая из 11 особей отмечена на озере Солёное (В.В.Непомнящий, устн. сообщ.). Обе территории расположены в пределах Минусинской котловины. Отмечались и другие встречи большого баклана (Гельд, Злотникова 2013, с. 64-66; Г.В.Девяткин,

* Гельд Т.А., Злотникова Т.В., Пинясова Е.В. 2015. Большой баклан *Phalacrocorax carbo* (Linnaeus, 1758) – новый гнездящийся вид Минусинской котловины // *Экологический мониторинг и биоразнообразие* 3: 62-67.

† Птицы Средней Сибири: <http://birds.sfu-kras.ru> (дата обращения: 14.01.2014).

устн. сообщ.). Южнее, в частности, в тувинском и саянском каньонах Саяно-Шушенского водохранилища, Д.В.Стахеев (2001) в период исследований с 1991 по 2001 год отметил большого баклана как обычный и многочисленный вид.

Названные районы встреч большого баклана показаны на рисунке 1. Можно сделать заключение, что на протяжении XX века большой баклан расселяется по Средней Сибири в северном направлении. Рост численности вида и расширение его ареала отмечаются в последние годы в Приамурье и на сопредельных территориях (Пронкевич 2012), в Азово-Черноморском регионе (Кошелев, Пакуса 2002) и в других районах европейской части ареала.

Рис. 1. Места встреч большого баклана *Phalacrocorax carbo* в Средней Сибири (вторая половина XX века – настоящее время; пояснения в тексте).

Тем не менее, до 2013 года никаких сведений о гнездовании большого баклана в Минусинской котловине не было. Для котловины и территорий Средней Сибири, расположенных севернее Тувы: Республики Хакасия, Красноярского края, – он не входил в список гнездящихся птиц.

В 2013 году нами отмечена первая попытка гнездования больших бакланов в урочище Трёхозёрки Койбальской степи: найдено одно гнездо с полной кладкой и отмечен гнездовой паразитизм. В 2014 году на этой же территории найдено плотное поселение бакланов, состоящее из 15 гнёзд, из них 9 с кладками.

Баклан, как колониальный вид, для которого характерно расширение ареала и быстрое увеличение численности, может оказать существенное влияние на состояние популяций других околоводных видов. Яркое выраженное влияние этого вида на биоту заселяемых территорий

отмечено для Черноморского заповедника, озера Ханка и других мест. Большой баклан является облигатным ихтиофагом, одна особь съедает более 450 г рыбы в сутки. Поэтому большие колонии могут оказывать существенный пресс на численность рыб внутренних водоёмов, особенно рыбопродуктивных прудов*. На всём пространстве ареала большой баклан населяет преимущественно скалистые облесённые или не облесённые побережья, острова морей и больших озёр, низовья крупных рек (Васильченко. Прокопьев 2005).

Рис. 2. Урочище Трёхосёрки – место гнездования большого баклана *Phalacrocorax carbo* (показано красной точкой).

* Птицы России: <http://www.egir.ru/bird/212.html> (дата обращения: 14.01.2015).

Установленные факты гнездования большого баклана на новой территории важны для выяснения динамики его ареала в Евразии, оценки видового разнообразия авифауны Минусинской котловины и прогноза состояния освоенной видом экосистемы.

Урочище Трёхозёрки (рис. 2) расположено в Койбальской степи, в центральной части Минусинской котловины, в 30 км от реки Енисей и в 20 км от реки Абакан. Это водно-болотное угодье искусственного происхождения, образовавшееся при создании Койбальской оросительной системы. Общая площадь около 500 га. Водоёмы урочища гипергалинные: солёность воды в исследуемые нами периоды времени колебалась от 84 до 166‰, глубина составляет менее 1 м, основной компонент зоопланктона – артемии (Гельд, Злотникова 2013). Берега и дно водоёмов очень вязкие. Характер грунта грязево-илистый, со средней мощностью 50 см. Имеется ряд островов общей площадью около 2 га, которые и используются птицами для гнездования.

В непосредственной близости (1-2 км) находятся два пресных озера искусственного происхождения – Чёрное и Бугаёво. В озёрах многочислен серебряный карась *Carassius auratus*, что, вероятно, и послужило причиной формирования на островах урочища крупных колоний рыбоядных птиц – чайковых и серой цапли, которые гнездятся здесь уже более 25 лет. В 2013 году на островах гнездились монгольские чайки *Larus argentatus mongolicus*, черноголовые хохотуны *Larus ichthyaeus*, серые цапли *Ardea cinerea*; в 2014 – *L. a. mongolicus* и *A. cinerea*.

Рис. 3. Кладка большого баклана *Phalacrocorax carbo*. Урочище Трёхозёрки. 26 мая 2013.

Рис. 4. Яйца большого баклана *Phalacrocorax carbo* в гнезде монгольской чайки *Larus argentatus mongolicus*. Урочище Трёхозёрки. Минусинская котловина. 26 мая 2013.

Как отмечено выше, первые сведения о встрече большого баклана в урочище Трёхозёрки опубликованы ещё в 1990-х годах (Байкалов и др. 1997). Нами в этом урочище в 2013 году отмечено 14 больших бакланов. Они держались на водоёме всё лето. При тщательном обследовании всех островов найдено лишь одно гнездо с полной кладкой из 5 яиц (рис. 3). Отмечены случаи гнездового паразитизма большого баклана: по 2 яйца этого вида найдено в гнёздах серой цапли (1 случай) и серебристой чайки (1 случай; рис. 4). Случаи факультативного межвидового гнездового паразитизма большого баклана по отношению к серебристой чайке описаны в литературе (Нумеров 2003, с. 497).

В 2014 году на этом же месте держалось уже 56 больших бакланов, было обнаружено 15 гнёзд, в 9 из которых были яйца.

Гнёзда располагались на окраине самого большого из островов, в смешанной колонии *L. a. mongolicus* и *A. cinerea*, в 5-7 м от уреза воды (рис. 2). Эта часть острова самая высокая, с плотным грунтом и, в отличие от других участков, здесь была сформирована растительность. Произрастали в основном эвригалинные виды растений и галофиты, преимущественно селитрянки *Nitraria sibirica*. Растения сильно угнетены. Гнёзда большого баклана, как и гнёзда серой цапли, были построены на кустах селитрянки на высоте до 0.5 м от земли (рис. 5).

Для постройки гнезда большие бакланы используют сухие побеги селитрянки, полыни и других растений. Выстилка в 44% случаев со-

стояла из крупных перьев самих бакланов и полиэтилена, который птицы собирают с прилегающих территорий; в 33% – только из перьев бакланов и в 22% случаев – из травы. Гнёзда располагались двумя скоплениями – 9 и 6 гнёзд. Расстояние между скоплениями 6.5 м.

Рис. 5. Гнёзда большого баклана *Phalacrocorax carbo* в колонии монгольской чайки *Larus argentatus mongolicus* и серой цапли *Ardea cinerea*. Урочище Трёхозёрки. Минусинская котловина. 24 мая 2014.

Минимальная дистанция между гнёздами в колониях бакланов определяется «дистанцией клевка» (peck-distance) (Кошелев. Пакуса 2002). В нашем случае она составила 60 см. Максимальное расстояние между гнёздами одного скопления составило 220 см.

Количество яиц в кладке большого баклана варьировало от 1 до 5. В большинстве гнёзд было 2 яйца. Скорлупа светло-голубого цвета, покрыта неравномерным и грубым белым известковым слоем. Яйца овально-удлинённой формы с несколько заострённым тупым концом (рис. 3, 4). Размеры яиц варьировали в следующих пределах: длина 56.9-70.1 мм, ширина 34.6-41.5 мм.

У баклана отмечены случаи внутривидового гнездового паразитизма. По сведениям А.И.Кошелева с соавторами (1990), в Приазовье при упрощённой пространственной структуре колонии (отсутствие ярусности) смешанные кладки большого баклана включали до 14 яиц, в том числе встречались яйца других видов птиц: в 5 случаях отмечено по 1-2 яйцу чайки-хохотуны *Larus cachinnans*.

Совместные поселения большого баклана с серебристыми чайками и серыми цаплями – широко распространённое явление (Черничко

2008, с. 118; Пронкевич 2012; Щербаков 2014). При этом основателем колонии может быть любой из видов. Агрессия со стороны чаек и разорение ими гнёзд бакланов может быть выражена в разной степени, что связано, по-видимому, с численностью птиц, плотностью расположения их гнёзд, степенью беспокойства со стороны человека и хищников.

Немаловажную роль при совместном гнездовании колониальных видов играют сроки репродуктивного цикла. В урочище Трёхозёрки в 2014 году первые бакланы отмечены 15 апреля. В оба года исследования откладка яиц у этого вида проходила в середине мая. У основателя колонии – монгольской чайки в 2013 году размножение началось раньше. В последней пентаде мая, когда у баклана проходило насиживание, в большей части гнёзд чаек были уже птенцы. В 2014 году оба вида в 20-х числах мая насиживали кладки. У второго многочисленного вида этой смешанной колонии – серой цапли – размножение разных пар асинхронно, и в эти же сроки наблюдали гнёзда с разной степенью насиженности яиц и птенцами разного возраста.

Прямых конфликтов между серой цаплей, монгольской чайкой и большим бакланом не наблюдали. В 2014 году отмечено, что при беспокойстве птиц в колонии первыми покидают гнёзда большие бакланы и серые цапли, последними – чайки. После того, как угроза миновала, первыми возвращаются в колонию чайки. В это время они разоряют гнёзда других особей своего же вида, а также цапель. Именно с хищничеством чаек мы связываем тот факт, что в оба года размножение большого баклана было безуспешным, яйца из гнёзд исчезли.

Наши наблюдения позволяют сделать ряд выводов. Во-первых, в настоящее время происходит освоение большим бакланом Минусинской котловины. Во-вторых, судя по увеличению численности птиц и величины кладки, условия для гнездования вида на островах урочища Трёхозёрки благоприятны. В-третьих, размножение большого баклана в урочище ограничивается видом-основателем колонии – монгольской серебристой чайкой.

Работа выполнена при финансовой поддержке гранта ХГУ им. Н.Ф.Катанова № 14-03-03.

Л и т е р а т у р а

- Байкалов А.Н., Байкалова Т.Н., Коровицкий Е.М. 1997. Весенне-летняя орнитофауна урочища «Трёхозёрки» // *Вестн. Хакас. ун-та. Сер. 4. «Биол. Медицина. Химия»* 4: 23-26.
- Васильченко А.А., Прокопьев В.Н. 2005. Большой баклан // *Красная книга Республики Бурятия: Редкие и исчезающие виды животных*. Улан-Удэ: 72-74.
- Гельд Т.А., Злотникова Т.В. 2013. К вопросу о современном состоянии авифауны урочища Трёхозёрки // *Научные исследования в заповедниках и национальных парках Южной Сибири*. Новосибирск, 3: 29-34.
- Гельд Т.А., Злотникова Т.В. 2013. Новые сведения о большом баклане в Хакасии // *Экология Южной Сибири и сопредельных территорий*. Абакан, 17, 1: 64-66.

- Кошелев А.И., Попенко В.М., Пересадько Л.В. и др. 1990. Особенности колониального типа гнездования большого баклана в свете его экспансии на острова Молочного лимана в Приазовье // *Современные проблемы колониальности у птиц*. Симферополь; Мелитополь: 71-77.
- Нумеров А.Д. 2003. *Межвидовой и внутривидовой паразитизм у птиц*. Воронеж: 1-517.
- Прокофьев С.М. 2001. Редкие позвоночные животные Алтае-Саянской горной страны // *Тр. заповедника «Хакасский»* 1: 103-125.
- Пронкевич В.В. (2012) 2018. О новой крупной смешанной колонии большого баклана *Phalacrocorax carbo* и серой цапли *Ardea cinerea* в окрестностях Хабаровска // *Рус. орнитол. журн.* 27 (1630): 3077-3080.
- Стахеев Д.В. 2001. Материалы орнитологического мониторинга зоны Гидроэлектростанции Саяно-Шушенской ГЭС // *Экология Южной Сибири: материалы Южно-сибирской международ. науч. конф. студентов и молодых учёных*. Красноярск, 1: 113.
- Степанян Л.С. 2003. *Конспект орнитологической фауны России и сопредельных территорий (в границах СССР как исторической области)*. М.: 1-808.
- Сыроечковский Е.Е., Безбородов В.И. 1987. Новые сведения по орнитофауне Западного Саяна // *Фауна и экология птиц и млекопитающих Средней Сибири*. М.: 172-181.
- Туров С.С. 1923. К вопросу о Баргузинском соболином заповеднике // *Изв. Вост.-Сиб. отд. Рус. геогр. общ-ва* 41, 2: 13-16.
- Черничко Р.Н. 2008. Современное состояние гнездовий большого баклана (*Phalacrocorax carbo*) на водно-болотном угодье Молочный лиман // *Бранта* 11: 113-121.
- Щербаков Б.В. 2014. Размещение и численность большого баклана *Phalacrocorax carbo* на озере Зайсан и Бухтарминском водохранилище в 2014 году // *Рус. орнитол. журн.* 23 (1075): 3743-3748.
- Кошелев А.И. Пакуса Р.В. 2002. Гнездовая биология большого баклана (*Phalacrocorax carbo*) и использование ооморфологических показателей для анализа наземных колоний (Северное Приазовье) // *Вісник Запорізького ун-ту* 3: 113-119.

ISSN 1026-5627

Русский орнитологический журнал 2019, Том 28, Экспресс-выпуск 1813: 3973-3974

Лазоревка *Parus caeruleus* насиживает пустое гнездо

Т.Киттл

Перевод с английского. Первая публикация в 1978*

Заметка Алана Мэйла (Male 1977) о большой синице *Parus major*, сидящей в пустом гнезде, напомнила мне следующее. В 1975 году пара лазоревек *Parus caeruleus* гнездилась в полой ветви одиночного куста бузины *Sambucus nigra* в центре заросшей тростником долины в Кэмбриджшире. Гнездо было недоступно для осмотра. Поэтому следующей зимой в кусте был установлен дощатый синичник. В начале мая 1976 года в нём было найдено одно яйцо, но гнезда не было. На протяжении

* Kittle T. 1978. Blue Tit sitting on empty nest // *Brit. Birds* 71, 12: 593. Перевод с англ.: А.В.Бардин.

следующей недели ситуация оставалась такой же. Однако 23 мая в бузине замечена лазоревка с кормом. Синичник был осмотрен в 12 ч по Гринвичу и в нём обнаружена взрослая лазоревка, сидящая в полностью выстланном, но пустом гнезде. Эта птица была окольцована молодой в ноябре 1972 года в 200 м от этого места. Позже синичник был очищен. В 1977 году в нём снова было построено гнездо, в котором 29 мая плотно сидела лазоревка, но яиц в гнезде не было. Осмотр птицы показал, что она с кольцом и это – та же особь, что и в 1976 году.

Литература

Male A.E. 1977. Great Tit sitting on empty nest // *Brit. Birds* **70**, 9: 394.

ISSN 1026-5627

Русский орнитологический журнал 2019, Том 28, Экспресс-выпуск 1813: 3974-3976

Кречет *Falco rusticolus* на Камчатке: новые материалы по состоянию популяции

Е.Г.Лобков, Ю.Н.Герасимов, А.В.Горовенко

Второе издание. Первая публикация в 2008*

В рамках федеральной программы «Ведение мониторинга животных Красной книги России» в 2005-2007 годах собрана новая информация, принципиально уточняющая представления о состоянии популяции кречета *Falco rusticolus* на Камчатке. Для континентальных районов Корьякии известно более 40 мест с современными находками территориальных пар, выводков или гнёзд кречетов. На полуострове Камчатка описаны 29 жилых гнёзд и более 30 мест, где гнёзда предполагаются. Кречеты регулярно размножаются почти по всему полуострову, исключая самые южные его районы. Места размножения кречетов на юге Камчатки в горном массиве «Вачкажцы» и в истоках реки Опала на 52°30'–53°00' с. ш., – самые южные в ареале вида. Размещение кречетов у южной границы ареала близко к спорадичному.

По итогам учёта на пробных полигонах, заложенных на полуострове Камчатка в 2005 году общей площадью 8007 км² (3.2% от площади полуострова и 3.9 % от площади, пригодной для размножения кречетов), и в 2006 году на площади 10108 км² (соответственно 4.0 и 4.9%), численность камчатско-корякской популяции кречета составляет порядка 500 (330-660) пар: 7-19% от населения птиц этого вида в России

* Лобков Е.Г., Герасимов Ю.Н., Горовенко А.В. 2008. Кречет на Камчатке: новые материалы по состоянию популяции // *Изучение и охрана хищных птиц Северной Евразии*. Иваново: 111-114.

и 3-8% мировой популяции. Наибольшая плотность – в горной местности, в 7 раз ниже она на равнинах. В течение трёх лет кречетов не стало, как минимум, на 4 гнездовых участках (7% известных и предполагавшихся), ставших доступными человеку. Кроме того, Камчатка – один из важнейших (ключевых) регионов в ареале вида, куда в период осенних кочёвок, миграции и зимовки собираются кречеты (или через который проходят их пролётные пути) не только с Камчатки и Корякии, но, по-видимому, и из других районов Северо-Восточной Азии, а также Северной Америки.

74% описанных с Камчатки гнёзд ($n = 50$) расположены на скалах, 4% – на песчано-пемзовых обрывах, 22% – на деревьях. Особенности в доле соотношении гнёзд по биотопам, породному составу деревьев и другим особенностям размещения кречетов в континентальных районах Корякии, с одной стороны, и на полуострове Камчатка, с другой, объясняются зональными особенностями этих регионов. 73% гнёзд расположены на склонах юго-восточной и южной экспозиций. В связи с ранними сроками размножения кречетов с белым оперением, устраивающим гнёзда на склонах северной экспозиции (а для серых особей на склонах южной экспозиции), предполагаются некоторые преимущества криптического характера.

Камчатско-корякская популяция кречета характеризуется вполне высоким репродуктивным потенциалом, прежде всего, высокой плодовитостью (средняя величина кладки 3.9 яйца), но невысокой реализацией этого потенциала (51.6%), в основном по причине гибели кладок и птенцов (средняя величина выводка 2.5 птенца). Основу питания кречетов, размножающихся в горах, составляют белая *Lagopus lagopus* и тундряная *L. muta* куропатки (48.0% пищевых остатков) и арктический суслик *Spermophilus parryi* (50.2%); те немногие пары, что гнездятся на морском побережье и в зоне мелколиственных лесов, питаются в основном водными и околоводными птицами. В негнездовое время в рационе кречетов, скапливающихся в приморской полосе суши, доля птиц возрастает до 90.7%, причём преобладают водные и околоводные и синантропные виды птиц (67.2% – утки, кулики и чайки, 26.6% – чёрные вороны *Corvus corone orientalis* и сизые голуби *Columba livia*, 4.2% – белая и тундряная куропатки и 2.0% – воробьиные).

В течение последних 15-20 лет численность размножающихся кречетов на юге Корякского нагорья и их встречаемость на полуострове Камчатка в период осенних кочёвок, миграции и зимовки сократились примерно вдвое. При этом природные условия вполне стабильны и не обнаруживают естественных факторов, определяющих негативные процессы в динамике состояния популяции. 91.2% территории Камчатки являются местами, потенциально пригодными для обитания кречетов. Лишь 0.3% их площади необратимо трансформированы деятельностью

человека. Дефицита мест, подходящих для размножения кречетов, на Камчатке нет. Популяции мелких млекопитающих и птиц, являющиеся важнейшими объектами питания кречетов, находятся в естественном состоянии, подвержены естественным периодическим колебаниям численности либо претерпели незначительное сокращение запасов. Фенологические ритмы развития природы существенно не изменились.

Важнейшим негативным фактором является браконьерское изъятие кречетов (птенцов и кладок из гнёзд и отлов птиц в период осенних кочёвок, миграции и в начале зимовки), которое приняло промышленные масштабы. Браконьерский отлов и вывоз кречетов с Камчатки в целях их продажи в качестве контрабандного товара на международных нелегальных рынках, имеет селективный характер. Преимущественно вывозятся молодые особи (в последние годы – 100%), преимущественно самки (73.9% среди птиц, изъятых у браконьеров), и в основном с белой окраской оперения (73.1%, что выше их доли в природной популяции). В год браконьеры вывозят с Камчатки не менее 10% современной численности местной популяции, реально же отлавливают значительно больше, поскольку много птиц погибает в процессе передержки и транспортировки. Спорадичное размещение кречетов на гнездовании на полуострове Камчатка на границе ареала есть следствие, в том числе, и браконьерства.

ISSN 1026-5627

Русский орнитологический журнал 2019, Том 28, Экспресс-выпуск 1813: 3976

Вяхирь *Columba palumbus* насиживает кладку в январе в Лондоне

Х.Лайнс

Перевод с английского. Первая публикация в 1930*

Вяхирь *Columba palumbus* устроил новое гнездо на вершине старого гнезда на вершине 15-футового боярышника *Crataegus* sp. в парке Онслоу Гарденс (Onslow Gardens) и 9 января 1930 плотно сидел на 2 насиженных яйцах. До этого всё шло хорошо, и казалось, что есть все шансы на выводение птенцов. Однако гнездо было брошено, вероятно, по вине кошек.

* Lynes H. 1930. Woodpigeon incubating in January in London // *Brit. Birds* 23, 10: 278. Перевод: А.В.Бардин.

Растительная пища пухляка *Parus montanus*

С.В.М.Хьюз, Ф.В.Дофарт

Перевод с английского. Первая публикация в 1978*

В течение пяти лет (1972-1976) в Западном Суссексе в конце лета и осенью мы проводили наблюдения за растительной пищей, используемой пухляками *Parus montanus* на ферме в Западном Чилтингтоне и в саду в Слинфолде. Эти синицы ели семена лишь немногих растений, специфический выбор которых нас удивил. На ферме эти птицы явно отдавали предпочтение спелым семенам чистеца лесного *Stachys sylvatica*. Реже они брали семена чистеца болотного *Stachys palustris*. Совсем редко ели семена пикульника узколистного *Galeopsis angustifolia*. В саду пухляки срывали и использовали в пищу исключительно семена чистеца шерстистого *Stachys lanata*. Если птиц не беспокоили, они кормились семенами этого растения непрерывно в течение 15 мин, а иногда и значительно дольше. В книге «Синицы Британских островов» (Barnes 1975) указано, что пухляки охотно используют в пищу семена пикульников *Galeopsis* spp. Наши наблюдения показывают, что некоторые другие представители семейства яснотковых Lamiaceae (или губоцветных Labiatae) могут быть так же привлекательны для пухляков. В районах, где распространены эти синицы, можно гарантировать, что посадка в саду *Stachys lanata*, который садоводы называют стахисом или овечьими ушками, с конца августа привлечёт пухляков.

Литература

Barnes J.A.G. 1975. *The Titmice of the British Isles*. London.

* Hughes S.W.M., Dougharty F.W. 1978. Vegetable food of Willow Tit // *Brit. Birds* 71, 10: 465.
Перевод с англ.: А.В.Бардин.